

Виктор Файн

Путь в профессию

Записки выпускника химфака РГУ 1955 года

Прелюдия

Должен признаться: в школе химия не была для меня приоритетной отраслью знаний, хотя твёрдую пятёрку я имел. Меня больше привлекала литература, журналистика. Но отец убедил меня в том, что нужно иметь техническую, менее идеологизированную специальность. И вносить свой посильный вклад в развитие народного хозяйства страны. Мы считали, что за химией будущее, и такая профессия всегда будет востребована. Что ж, решено – я иду на химфак. Типичный брак по расчёту. И счастливый: я никогда не жалел, что стал химиком.

Я окончил в 1950 г. ростовскую школу № 39 с серебряной медалью. Во мне видели претендента на «золото», но единственная четвёрка на письменном экзамене по геометрии с применением тригонометрии лишила меня этого статуса. Однако я был счастлив: медаль давала мне право поступить в университет без вступительных экзаменов. На химфак из нашего выпуска пришли также мой одноклассник Виталий Страдомский и Олег Шелепин из параллельного класса. Двумя годами позже к нам присоединился Володя Минкин – самый талантливый из выпускников химфака, ныне академик РАН. Двое пришли из соседней женской школы № 37, с которой мы дружили классами, – Лиля Тащилова и Ляся Кацевич (Алла Алёшина).

Первокурсники

1 сентября 1950 года начался новый этап моей жизни.

Начался он с трёх лекций, и первая из них – по основам марксизма-ленинизма. Читал лекцию преподаватель Левизов – небольшого роста, сухонький, лет так под 60. Читал по конспекту. Вооружённый знанием стенографии, которую мы усердно изучали в школе, я решил стенографировать все лекции. Разочарование наступило быстро. Нас научили записывать даже быструю речь, но не научили бегло читать собственные стенограммы. Их нужно было расшифровывать. Затратив в первый день несколько часов на расшифровку стенограмм, я понял, что так дело не пойдёт – никакого времени не хватит.

Что касается Левизова, то он выдавал такие *перлы*, что ребята принялись их отдельно записывать. Самый первый такой *перл* я запомнил на всю жизнь: «Революционное движение в России без марксистско-ленинской теории **блудило** в потёмках».

Итак, учебный процесс начался. 50 первокурсников разбиты на 2 группы, каждая группа – на две подгруппы, в зависимости от изучаемого языка. Все ребята, а их оказалось 9 человек, в одной группе. Всего у нас 5 предметов: общая и неорганическая химия, математика, основы марксизма-ленинизма, иностранный язык и физкультура. У военнообязанных ребят ещё и военное дело. По химии лекции и 4-х-часовые практические занятия.

Занимались мы в трёх разных корпусах: в главном корпусе университета на углу улицы Энгельса и Университетского переулка, на химфаке – по Университетскому вверх, почти до Пушкинской улицы, а также в здании физмата на улице Горького.

Я записался ещё и в стеклодувный кружок: наш преподаватель Пётр Иванович Проценко сказал нам, что химик, не умеющий выдувать стекло, – не химик. Если добавить

к этому общественную работу, занятия в волейбольной секции и шахматный турнир, в котором я начал играть, нагрузка получилась приличная. Слишком даже приличная.

24 сентября состоялся факультетский вечер встречи с первокурсниками, то есть с нами. Из *наших* на торжественной части выступали Лиля Тащилова и Галя Самофалова. Лилино выступление произвело на всех большое впечатление, и ей очень долго аплодировали. Она молодец: умеет говорить с чувством, с подъёмом, очень литературно. Не выступление, а поэма в прозе!

Всё было у меня впервые: первый день занятий, первая лекция, первая стипендия, первый студенческий вечер, первая разбитая пробирка в химической лаборатории и первая производственная травма: на первых практических занятиях я неумело решил помочь Лиде Булыгиной вставить стеклянную трубку в пробку, в результате поломал трубку и сильно порезал руку.

Первокурсники в лаборатории. Я – в белом фартуке. В центре – Света Вигант, списывает Саша Гарновский, справа Лера Варфоломеева, у двери Маша Попова. У стенда с реактивами Мария Сергеевна Голубева, она вела у нас практикум в 1-м семестре.

Первые занятия физкультурой проводились в открытом бассейне на Дону. Погода не всегда благоприятствовала, но вода была ещё относительно тёплой, порядка 18 градусов. Нормативы по плаванию и даже по прыжкам с вышки для нас, завсегдатаев Левбердона (пляжа не левом берегу Дона) трудностей не представляли. Помню, как одна наша однокурсница сетовала:

– Вам хорошо – у вас Дон под боком, а у нас в Шахтах даже *помочь* негде.

Я никогда не был суеверным и к 13 числу относился без содрогания. Но понедельник, 13 ноября 1950 г. заставил меня в этом усомниться. Днём на практических занятиях по химии мы ставили опыт, требующий охлаждающей смеси (смесь льда с солью). Дважды ходили за льдом, но его всё-таки не хватило. Около 13 часов (!) отправились с Игорем Шеломовым в третий раз. Взяли большой ящик и стали спускаться по лестнице. Я нёс его сзади, и ящик загораживал мне видимость лестницы. Неловкое движение, и я рухнул с сильной болью в ногу. К счастью, перелома не было, ограничился растяжением сухожилий, но больше двух недель просидел дома – ходить не мог. Едва вышел на занятия, как навалились контрольные, коллоквиумы, зачёты, а у меня пробелы из-за ноги.

Из дневника. 1 декабря 1950 г. На лекции по химии лаборантка устроила нам газовую атаку. Клубы йодистого алюминия, образовавшегося в результате реакции йода с алюминием, заполнили всю кафедру и двинулись на

нас. Пётр Иванович Проценко и лаборантка спаслись бегством, кое-кто из студентов сбежал на задние ряды, а мы уж нанюхались. От этого газа воспаляются глаза, першит в горле.

Программа занятий была составлена так, чтобы не оставлять нас наедине с лекциями. Непрерывные контрольные работы, коллоквиумы, зачёты. Очень трудно было с учебниками: купить их было негде, а в университетской библиотеке всего несколько экземпляров, которые давали на 2-3 дня, и добраться до них было почти невозможно. Выручали только конспекты лекций. Пробел в моих конспектах, образовавшийся из-за травмы ноги, *вышел мне боком*: обернулся четвёркой на первом экзамене по общей и неорганической химии. В первую сессию мы сдавали два экзамена – по химии и математике. Такой *комбинации* – 4 по химии и 5 по математике в нашей группе не было больше ни у кого: математику сдавать оказалось труднее.

Лаборант Н.П. Суханова и Антон Матвеев. Февраль 1951 г.

После первой же сессии наша группа понесла чувствительные потери: *отсеялись* Полина Калачинская и двое ребят – Жаворонок и Рыбальченко. Переход от школы к вузу сумели выдержать не все.

После первых зимних каникул мы с Игорем Шеломовым принесли на занятия сборник эпиграмм «Первокурсники». Идея была моя, Игорь поддержал, и наш творческий дуэт горячо взялся за дело.

Сборник содержал эпиграммы на 22 однокурсников – почти на всех в группе. Не все они интересны, и в настоящем повествовании я приведу лишь некоторые. Невозможно оценивать их как литературные произведения: с этой точки зрения они никакой критики не выдерживают. Просто они – часть моей студенческой юности.

Сборник имел шумный успех – два дня гулял по аудитории, после чего Лиля Тащилова забрала его себе *в подарок*.

Самые яркие мои воспоминания о студенческих годах – именно о первом курсе. Не только об учёбе, существенно отличавшейся от школьной, но и о необыкновенно тёплой, дружеской атмосфере, в которой мы тогда жили. Было очень комфортно в кругу старых и новых друзей.

Сохранилась фотография, где снята половина нашей группы 1 курса. На ней собрались многие из тех, кто создавал для меня эту атмосферу.

Нижний ряд слева: Света Вигант и Женя Батарыгина, средний ряд: Лера Варфоломеева, Лида Булыгина, Света Коляда, Галя Самофалова и Нелли Наумочкина, верхний ряд: я, Ляся Кацевич, Л. Маркарян, Лиля Тащилова, Талик Страдомский

За зданием химфака, где только заканчивалось строительство второго, небольшого аудиторного корпуса, находился пустырь. И не только пустырь, но и развалины старых построек, оставшиеся от войны. Прошло уже 6 лет, как закончилась война, а Ростов всё ещё залечивал её раны. На месте этого пустыря было решено разбить сквер, и нам, первокурсникам, довелось в апреле 1951 года принимать участие в этой работе.

Работали весело, с шутками и прибаутками. Настолько разошлись, что даже при фотографировании успокоиться не смогли. А на следующий день факультетская сатирическая стенгазета «Сквозь фильтр» *проехалась* по нашему адресу. Был опубликован снимок: только что посаженные деревья, на одном из них висят две кофточки. И подпись: «Сами садик мы садили – сами начали ломать». Фотограф не просто так нас снимал...

Воскресник во дворе химфака. С носилками Лида Булыгина и Света Коляда, слева вдали Володя Каплин, перед ним Женя Ягубьян, в центре, спиной к только что посаженному дереву Нелли Наумочкина, за ней в белом платочке Гулецкая, рядом в клетчатой кофточке Галя Самофалова. Меня не узнать – весь в чёрном, нагнулся, головы не видно. Апрель 1951 г.

У этих фотографий двойная историческая ценность. На них запечатлён один из эпизодов послевоенного восстановления Ростова. Фон – расчищенные развалины, скрытые бетонным забором. Сейчас это место выглядит совершенно иначе.

Воскресник окончен – фотография на память. Слева стоит Володя Каплин, перед ним Лиля Тащилова, рядом с ней Галя Самофалова, правее – С. Гулецкая, сидят Лида Булыгина и Женя Ягубьян, слева ниже Нелли Наумочкина и Ляся Кацевич. И это у меня хотела забрать лопату Лера Варфоломеева, которой поручили собрать и сдать инвентарь.

Преподаватели

Преподавательский состав у нас ничем особенным не выделялся. Ни одного доктора наук. За 5 лет, прошедшие после войны, они просто не успели *остепениться*.

Мне нравился **Пётр Иванович Проценко**, читавший нам общую и неорганическую химию. Одно время он был деканом химфака, потом стал проректором университета.

Пётр Иванович Проценко принимает экзамен по общей и неорганической химии у Виталия Страдомского. Январь 1951 г.

Ассистент **Дмитрий Сергеевич Лесных**, который вёл у нас практические занятия по неорганической химии со 2-го семестра, был человеком суровым, не улыбочивым. Моё знакомство с ним началось с неприятного инцидента. На полках лабораторных столов стояли банки, загораживающие доску. Я снял с полки баллон с дистиллированной водой и поставил его на стол, что неоднократно уже делал в первом семестре. И вдруг выскочила нижняя пробка, и из баллона полилась вода. Пробку я быстро водворил на место, но вода успела подмочить тетрадку Дмитрия Сергеевича. На перемене я подошёл к нему, чтобы извиниться за неловкость, но он меня опередил:

– На вашем месте я бы извинился! – резко сказал он и тут же вышел из лаборатории.

Этот эпизод долго держал меня в напряжении, но Дмитрий Сергеевич оказался человеком незлопамятным, и никаких неприятностей с ним у меня больше не было. Лесных защитил кандидатскую, стал доцентом, потом деканом химфака, и мне не раз приходилось общаться с ним по общественным делам.

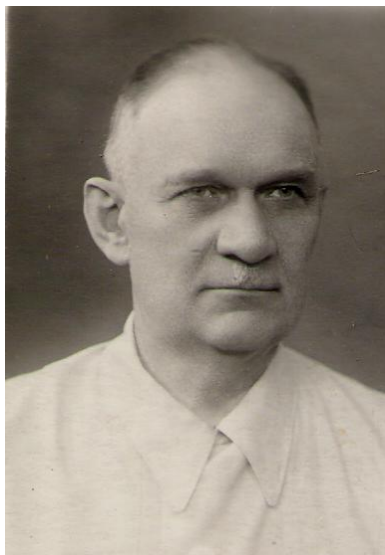

Уже на первом курсе у меня установились товарищеские отношения с аспирантом кафедры аналитической химии **Костей Багдасаровым**. У нас с ним были общие общественные дела, и мы были *на ты*. Я испытывал определённую неловкость, когда Багдасаров на 2-м курсе вёл одно время у нас практикум по аналитической химии, и мне приходилось сдавать ему коллоквиумы. Конечно, в официальном порядке я величал его Константином Николаевичем и *на вы*. *Спуску* он мне не давал и огорчался, когда у меня что-нибудь было *не так*.

Багдасаров Константин Николаевич (1923-1993), химик-аналитик. Родился в Ростове-на-Дону, окончил химический факультет Ростовского университета в 1949 г. Защитил кандидатскую диссертацию в 1953 г., докторскую – в 1969 г. Заслуженный деятель науки. С 1970 по 1993 г. заведовал кафедрой аналитической химии. Автор и соавтор более 500 работ. Подготовил 1 доктора и более 20 кандидатов наук. Основное направление научной деятельности – развитие физико-химических методов анализа и контроля производства.

работ. Подготовил 1 доктора и более 20 кандидатов наук. Основное направление научной деятельности – развитие физико-химических методов анализа и контроля производства.

Много лет спустя, приехав из Москвы в командировку в Ростовский университет, я обнялся с заведующим кафедрой аналитической химии, доктором химических наук профессором Багдасаровым, и мы долго беседовали с ним. Несколько его работ оказались близки моим научным интересам, и мне доставило удовольствие цитировать их в одной из своих монографий.

Н.М. Несторович

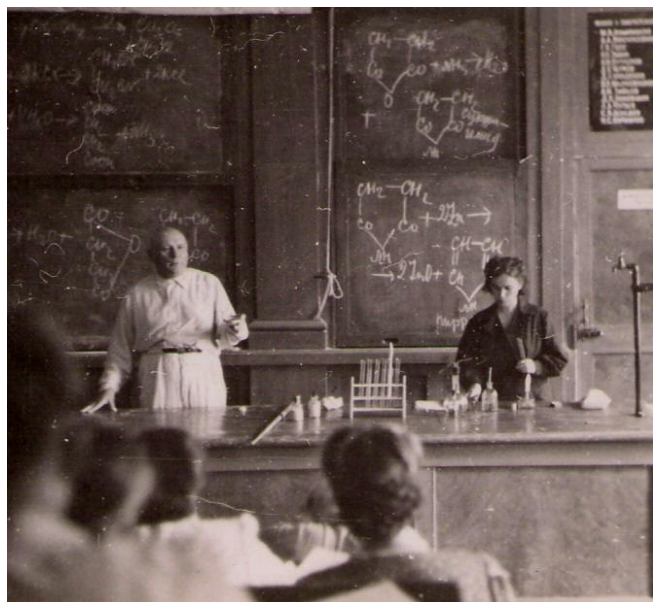
Одним из самых уважаемых преподавателей был для нас **Николай Михайлович Несторович** (1891-21.12.1955), читавший нам высшую математику. Читал очень хорошо, невозмутимо и обстоятельно. На его лекциях никогда не занимались посторонними делами. И экзамены принимал хорошо – спокойно, дотошно, объективно. Не либеральничал, но и не торопился портить студенту зачётку.

В 1951 г. вышла его книга «Геометрические построения в плоскости Лобачевского».

После последнего нашего экзамена по математике в январе 53-го мы преподнесли прощальный подарок Николаю Михайловичу от студентов нашего курса – хороший портфель с памятной пластинкой и поздравлением с защитой докторской диссертации.

Он был очень смущён и польщён. А нам было очень жаль расставаться с таким преподавателем, которого мы считали идеалом чуткости и справедливости.

Органическую химию нам читал профессор **Дмитрий Емельянович Дионисьев** (1887-1957). Дед, как его все звали за *глаза*.

Лекция Д.Е. Дионисьева в Большой химической аудитории

Он был старейший профессор университета: он и Несторович начинали работать ещё в Варшавском университете, который во время первой мировой войны был переведен в Ростов. Спокойный, уравновешенный, никогда не суеился и не повышал голоса. Читал хорошо, всё *раскладывая по полочкам* и *разжёвывая* до легко усваиваемой *жвачки*. Сдавали ему спокойно – он был объективен и *не гонял*.

В 1954 году на химфаке появился **Юрий Андреевич Жданов**. Сын печально знаменитого секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Александровича Жданова, организатора травли Ахматовой, Зощенко, Шостаковича и других известных деятелей культуры. Зять Сталина. При Сталине он занимал высокий пост заведующего отделом культуры и науки ЦК. После смерти Сталина его *сослали* в Ростов заведующим отделом культуры обкома партии. Химик, кандидат философских наук Ю.А. Жданов сразу же стал читать на химфаке спецкурс по теории строения органических соединений.

Я не знаю, какова была роль Юрия Андреевича в разгроме сторонников теории резонанса в химии или генетической теории в биологии. В печати я встречал негативные оценки его деятельности в области культуры. Не знаю, действительно ли это относилось к самому Юрию Андреевичу, или на него переносили отношение к куда более могущественным лицам, стоявшим за его спиной. Я знал совсем другого Ю.А. Жданова – открытого, демократичного, весёлого, абсолютно не похожего на заносчивого партийного чинушу, прекрасного организатора, блестящего лектора. Диапазон его талантов был необычайно широк: химия, философия, культура во многих её проявлениях. Он писал стихи, прозаические эссе, неплохо пел. Его публичные лекции на различные темы культуры и науки, с которыми он выступал в университете, проходили в битком набитых залах. Это было очень интересно, свежо и ярко. Его спецкурс приходили слушать не только студенты, но и преподаватели химфака. Я сдавал ему экзамен и получил пятёрку. Экзаменатором он был в меру строгим, справедливым и каким-то лёгким – перед ним не дрожали.

Уже после моего окончания университета Жданов стал его ректором. Был избран в Академию наук СССР. Организовал институт физической и органической химии при университете. В этом институте работали многие мои однокашники, а директорствовали мои товарищи – сначала Г.Н. Дорофеев, затем В.И. Минкин. Жданов организовал строительство нового Ростовского университета, целого университетского городка. Организовал и возглавил Северокавказский научный центр.

В первые годы после окончания университета, приезжая в Ростов, я всегда посещал химфак и обязательно приходил к ректору университета Ю.А. Жданову. Просто пообщаться. Перед его кабинетом не было строгой секретарши, оберегавшей патрона от вторжения нежелательных посетителей. Увидев меня, Юрий Андреевич выходил из-за стола и, улыбаясь, шёл навстречу. Кто я был для него? Просто бывший студент, выпускник. Не помню случая, чтобы он не уделил мне хотя бы 10-15 минут времени и не расспросил, как складывается моя жизнь.

Много позже я узнал, что во время войны Жданов работал в Главном политическом управлении Красной Армии (подразделение полковника И.С. Брагинского, занимавшееся пропагандой среди войск и населения противника) вместе с моей двоюродной сестрой Софьей Аркадьевной Тархановой, хорошо её знал. Конечно, и он не ведал, что я её двоюродный брат.

Полковник И.С. Брагинский, его жена Х.Н. Дриккер, майор Ю.А. Жданов и С.А. Тарханова, конец 1945 г. Фото из семейного архива Брагинского.

Став членом семьи Брагинских, я узнал о большой многолетней дружбе, которая связывала Иосифа Самойловича и Юрия Андреевича. Некоторое время мы переписывались, он интересовался судьбой Брагинских.

Доцент **Борис Иванович Ардашев** читал нам один из спецкурсов по органической химии. Вот уж кто любил поговорить! С его слов, ему всегда советовали работать там, где платят за разговоры. Когда он читал нам лекции, то забывал, где у него тряпка, а где носовой платок. И был основательно перепачкан мелом.

Ардашев был остёр на язык. Запомнилось, как он сказал в 53-м: «Сталин умер, Готвальд умер, и я себя плохо чувствую». Ардашев возил нас на производственную практику в Рубежное. Со студентами *дистанции не держал*, рассказывал много такого, чего студентам знать было совершенно не обязательно — о взаимоотношениях преподавателей.

О моей дипломной работе он говорил, что тема переросла не только дипломанта, но и его руководителя. И был рад за меня, что мне удалось довести её до вполне пристойного конца.

Позднее он защитил докторскую диссертацию и получил кафедру в Новочеркасском политехническом институте. В 1958 году он звал меня ассистентом на свою кафедру, но у меня были уже другие планы.

По свидетельству Лили Тащиловой, которая была аспиранткой Ардашева, он скончался 5 апреля 1972 г. от сердечного приступа.

Учился я хорошо, почти все сессии сдавал на пятёрки, обычно получал повышенную стипендию. Отличникам платили на 25% больше. В январе 1953 г.

в последних известиях ростовского радио говорили об университете, и среди отличников учёбы называли мою фамилию.

На втором курсе меня пригласили заниматься научной работой под руководством доцента **Игната Никитовича Беляева**: физико-химический анализ системы из 4-х неорганических солей – пирофосфатов и молибдатов калия и натрия. Первый блин вышел комом – ничего сделать я не сумел. Со смехом вспоминаю, как перекристаллизовывал одну из солей. Растворил при нагревании соль, профильтровал, охладил, а она не выпадает. Должна выпасть в осадок, а не выпадает. Оставить бы раствор до утра. Но никто не подсказал. Я огорчился, что *не получилось* и... вылил раствор в канализацию.

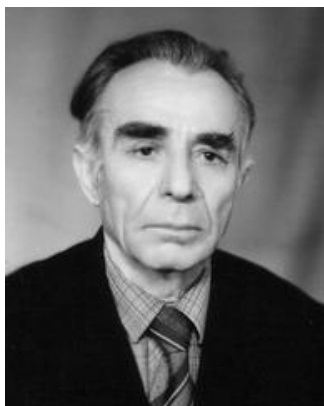
Следующую научную работу я делал уже на кафедре органической химии под руководством ассистента **Николая Захаровича Руденко**. Он был человеком спокойным, обстоятельным, но, как я уже потом понял, *не блистал*. Работа, которую он мне дал, сразу же пошла по непредусмотренному руслу, и он мало чем мог мне помочь. Но я увлёкся, сделал даже доклад на научной студенческой конференции, а потом продолжил её в качестве дипломной работы.

Наверное, никто из студентов не делал такой тщательной литературной проработки темы, как я. Не ограничившись доступной в Ростове литературой, я работал в библиотеках в Рубежном во время практики, а потом и в Москве, куда ездил на зимних каникулах. Попутно выполнил ещё одну работу – под руководством Ардашева.

Н.З. Руденко

Лишь потом, став уже опытным химиком, я понял, что темы, которые мне давали на химфаке, были совсем не студенческими. Неапробированный поиск новых химических реакций был слишком сложен для неопытного студента. Да ещё в условиях полного отсутствия физико-химических методов исследования. Свои студенческие пятёрки я, конечно, получал, но мечтал о большем – о публикации в серьёзном химическом журнале.

Мне не довелось учиться у **Осипа Александровича Осипова** (1913 – 1995), тогда доцента, одного из самых видных химиков Ростовского университета, но я нередко встречался с ним по общественным делам как с секретарём партийной организации химфака. Навсегда в моей памяти остался его образ – докладчика, прячущего слёзы за кафедрой на траурном митинге в марте 53-го, посвящённом памяти Сталина. «Ещё бы – такого не увидишь и в века...» (В. Маяковский).

Вся его жизнь была связана с химическим факультетом РГУ, который он окончил в 1938 году. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1963 г. по совокупности работ ему присвоена учёная степень доктора наук, а в 1965 г. – учёное звание профессора. С 1961 по 1981 г. заведовал кафедрой физической и коллоидной химии РГУ. Один из инициаторов создания НИИФОХ РГУ.

О.А. Осипов

Автор около 1000 научных работ, среди которых неоднократно издававшиеся в нашей стране и за рубежом монографии "Справочник по дипольным моментам", "Дипольные моменты в органической химии", "Дипольные

моменты в химии комплексных соединений". Некоторые из этих книг имеются в моей библиотеке, и я использовал их в своей научной работе. Осипов – автор 80 авторских свидетельств и патентов на изобретения. Подготовил более 10 докторов и более 100 кандидатов наук.

...Ребята, которые учились на химфаке в одно время со мной, оставшись в университете, пошли значительно дальше своих учителей. Они подняли уровень научных исследований на существенно бóльшую высоту и сделали Ростовский университет одним из центров отечественной химической науки.

Редактор факультетской стенгазеты

Моё поколение почти всю жизнь строило *светлое будущее*. Своё участие в этом строительстве я видел в хорошей учёбе, в честной работе, в активной общественной деятельности.

Каждый комсомолец-первокурсник заполнял анкету, где указывал, какую общественную работу он вёл в школе. Я написал, что был редактором школьной стенгазеты и пионервожатым. Неудивительно, что едва я поступил в университет, как меня *призвали* в редколлегию факультетской стенгазеты. Её редактором был Анатолий Гиренко, коммунист, фронтовик. Человек требовательный, жёсткий, прекрасный организатор. Он завалил меня поручениями. Уже в октябре Гиренко избрали секретарём комсомольской организации химфака, а во 2-м семестре к моему большому удивлению редактором *выдвинули* меня, студента 1-го курса. Предыдущий редактор – студент 3 курса Анатолий Дорошенко завалил сессию и потерял моральное право занимать такой пост.

Анатолий Гиренко, 1951 г.

Таким я был в 1952 году

В советское время каждому учреждению было *положено* иметь стенгазету. Орган партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Коллективный организатор и пропагандист. По всей стране выпускались десятки тысяч стенгазет. Конечно, большинство из них лишь формально выполняли своё предназначение: выходили несколько раз в год, по большим праздникам и, в лучшем случае, рапортовали о достижениях коллектива. Давая тем самым возможность партийной организации отчитаться перед вышестоящим партийным комитетом.

Университетские стенгазеты заметно выделялись из числа таких газет. Таких стенгазет я никогда и нигде больше не встречал. Боевые, острые, отражавшие самые разные стороны жизни. Их ждали, их читали, обсуждали, о них спорили. С нашей школьной стенгазетой их даже сравнивать было нельзя. Стенгазета «Химик» была одной

из лучших в университете: на ежегодных конкурсах факультетских стенгазет она нередко занимала первое место.

В редколлегии были опытные ребята, в том числе и из числа молодых преподавателей и сотрудников. Без их помощи я бы, конечно, не справился. Мою работу редактором быстро заметили: уже в марте 51-го года в Ростовской областной молодёжной газете «Большевицкая смена» появилась статья о стенгазете «Химик» и обо мне как её редакторе. Перед этим к нам приходила девушка–корреспондент, и для встречи с ней меня даже несколько раз отпускали с занятий. Университетская многотиражка «За советскую науку» упоминала меня неоднократно.

Заседание редколлегии стенгазеты. Сидит рядом со мной пятикурсник Лысенко. Слева мой однокурсник Александр Гарновский и член бюро ВЛКСМ химфака Валентин Григорьев. Ближняя справа – моя однокурсница Афиция Вишнякова. Апрель 1951 г.

Выпускаем газету. Главный редактор подчас даже фотографии сам наклеивал. Печатаем текст газеты. Секретарь деканата Л. Емельянова и А. Гарновский, будущий доктор химических наук, профессор. Апрель 1951 г.

Многие фотографии, которые сопровождают моё повествование о студенческих годах, остались в моём архиве от тех редакторских времён.

«Химик» выходил 2 раза в месяц. Отдельно выпускалось сатирическое приложение «Сквозь фильтр», у него была своя редколлегия. Совместно выпускали красочные и острые новогодние номера. Потом появилось постановление Обкома партии о выпуске ежедневных студенческих стенгазет, и «Химик» стал выходить двумя выпусками – ежемесячные номера на большом стенде и ежедневные – на малом. Ежедневная стенгазета продержалась года два, она требовала сверхусилий и выпускалась исключительно на энтузиазме, в том числе и на моём энтузиазме. Её выпускали 3 сменные редакционные

бригады. Но моего, редактора, участия требовал каждый номер. Вспоминая об этом периоде моей жизни, я и сам удивляюсь, как я всё успевал. И как при этом умудрялся отлично учиться. Ведь никто никаких поблажек мне не давал. Наоборот, считали, что я должен подавать пример другим студентам.

Однажды я опубликовал в стенгазете большую статью студента Михаила Мостославского «Ржавчина». Она не была заказной статьёй, Мостославский написал её по собственной инициативе. В ней подвергались острой критике негативные стороны студенческой жизни, в том числе использование шпаргалок. Однако к студенческим шпаргалкам было приравнено и использование преподавателями записей на лекциях. Причём в качестве примера был приведен не кто-нибудь, а декан химфака Игнат Никитович Беляев, читавший свой курс, почти не отрываясь от конспекта. Имел ли преподаватель моральное право требовать от студентов, чтобы они на память знали материал, который он сам читает по конспекту?

Декан химфака доцент И.Н. Беляев

Скандал был грандиозный. Газету сняли. Меня обвинили в *политической незрелости*. Вспоминая эту историю, не могу не отметить, что снять газету было самым неудачным решением. Тем более что весь химфак успел её прочитать. Одна из главных *декларированных* задач стенной печати – развитие критики и самокритики в коллективе. «Ржавчина» оказалась самой яркой статьёй такого плана, и её автору Мостославскому следовало оказать самую интенсивную поддержку. Снятие газеты – ярчайший пример силового зажима критики, после которого любые призывы развивать критику и самокритику оказывались бесполезными. С другой стороны, эта статья могла стать прекрасным поводом для дискуссии, исходной точкой для серьёзной воспитательной акции. Беляев, несомненно, не заслуживал остракизма. Его курс был нужен химикам, а никто из преподавателей

этим материалом не владел. Можно лишь похвалить Беляева за то, что он взялся за создание этого курса. Выучить его на память у него ещё не было времени. В условиях тотального отсутствия учебников и возможностей размножать конспекты другого выхода не было. Объяснить бы это студентам. Вместо этого проблему решили силовым методом. В духе того времени.

Вряд ли этот эпизод был главной причиной освобождения меня от обязанностей главного редактора стенгазеты. Я оставался единственным комсомольцем среди редакторов стенгазет университета, все остальные возглавляли члены партии. Показательно и другое: какой была тогда атмосфера в РГУ, если на таком идеологически важном посту держали человека по фамилии Файн. В начале 50-х, когда в стране ширилась кампания по разоблачению *безродных космополитов* и *врачей-вредителей*, большинство которых носило еврейские фамилии. Несомненно, что мне очень повезло. Эпизод с «Ржавчиной» не стал тогда поводом для обвинения во вредительстве с последующими репрессиями. А я даже не осознавал, какой опасности себя подвергаю.

Главным редактором партбюро назначило коммуниста аспиранта Сергея Дионисьева, сына Деда. Меня оставили заместителем редактора. По существу ничего не изменилось. Серёжа Дионисьев, с которым у меня были вполне нормальные отношения,

всего лишь контролировал мою работу, чтобы не повторилась «Ржавчина». Но и охотников писать такие статьи больше не было.

С Сергеем Дионисьевым, Светой Колядой и Лилей Тащиловой.
1 мая 1953 г.

Помню забавный эпизод. По дороге в университет я где-то выпачкал пиджак свежей краской. Сразу же пошёл в лабораторию и долго снимал краску ватой, смоченной спиртом. В этот момент мне передали, что меня ищет Сергей Дионисьев. В холле мы обсуждали с ним текущие дела, как вдруг Дионисьев спросил:

– Ты что, пил с утра?

Я рассмеялся и дал ему понюхать пиджак. Он облегчённо вздохнул:

– Ну, слава богу! А я уже подумал, что вроде бы за тобой такое не водится.

5 мая 1954 года, в День печати, мне вручили Грамоту ректората и парткома Ростовского университета «За активное участие в работе стенной печати».

В декабре 52-го в университете проходила ежегодная теоретическая конференция, посвященная XIX съезду партии и работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Мне поручили сделать доклад об Уставе КПСС. Само это поручение красноречиво говорило о месте, которое я к тому времени занял в общественной жизни университета: докладов было несколько, а студентов в университете – больше тысячи. Свой доклад я связал с жизнью студенческой группы, получилось неплохо, слушали с явным интересом.

На 3-м курсе меня избрали заместителем секретаря факультетского бюро ВЛКСМ. Теперь я отвечал уже не только за газету, но и за всю политико-воспитательную работу среди студентов. Секретарём был Гена Дорофеенко, который учился на курс старше меня. После окончания университета его оставили в аспирантуре у Жданова, а доктор химических наук Геннадий Николаевич Дорофеенко возглавил организованный Ждановым Институт физической и органической химии при Ростовском университете.

Я никогда не рвался на выборные общественные должности. На 3-м и 4-м курсах университета мне удалось отказаться от работы секретарём комсомольской организации факультета. Хотя на меня *давили* основательно: я был самым общественно активным студентом на курсе, а по традиции комсомольского секретаря выбирали именно из числа студентов 3-го или 4-го курса. Причина моего нежелания была одна – всё-таки я хотел учиться, а не только заниматься общественной работой. Взяться за нелёгкий труд комсомольского секретаря тогда *уговорили* второкурсницу красавицу Олю Шокину. Выдвижение ей льстило, но она очень боялась соглашаться. Но мы, и я в том числе,

обещали ей свою постоянную помощь. Обещание сдержали, и у нас *вырос* хороший организатор, дефицит которых ощущался во все времена.

Экскурсия комсомольского актива в Сталинград. На борту теплохода с Олей Шокиной и Лилей Ташиловой. Лето 1953 года.

А анкета, в которой я добросовестно сообщил о двух своих общественных поручениях в школе, *выстрелила* вторично: на первых же летних каникулах меня *призвали* пионервожатым в городской пионерский лагерь. Одну смену я исправно посещал Первомайский сад, где размещался такой лагерь с переменным составом – туда приходили желающие дети со всей округи. На голом энтузиазме. Я даже не пытался отказываться.

Я не видел для себя иного пути, кроме вступления в партию. Никаких карьеристских побуждений у меня при этом не было, о карьере я вообще меньше всего думал. Попытка вступить в партию на 5-м курсе университета оказалась безуспешной. На комсомольском собрании факультета единодушно проголосовали за выдачу мне комсомольской рекомендации. Но до заявления дело не дошло – мне объяснили, что в партию *стоит очередь*, а до окончания университета осталось слишком мало времени. Студентов в партию практически не принимали. Моё время ещё не пришло, членство в партии было у меня ещё впереди.

О Сталине, мудром, родном и любимом...

Наши детство и юность прошли в те годы, когда о Сталине слагали песни, писали стихи, поэмы, романы. Портреты и скульптуры Сталина были повсюду. Любой большой концерт начинался «Кантатой о Сталине» Алымова, которую проникновенно исполнял Краснознамённый ансамбль Советской Армии под управлением Александрова:

О Сталине, мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ!

Самым главным предметом в университете считалась марксистско-ленинская теория. Сначала основы марксизма-ленинизма, затем марксистско-ленинская философия и, наконец, политэкономия. Любой из этих курсов предполагал подробное изучение текущих партийных документов – докладов, статей, постановлений. И, конечно, трудов товарища Сталина. От студентов-химиков требовали подробного изучения даже работы «Марксизм и вопросы языкознания».

Сталин выступал редко, но каждое его слово подлежало тщательному изучению широкими народными массами. Высказывания товарища Сталина сразу становились

абсолютной истиной. Ссылка на вождя венчала любой спор. «А товарищ Сталин по этому вопросу сказал то-то». Всё! Спор окончен. Спорить больше не о чем.

Любой научный доклад или диссертация, даже на техническую тему, обязательно начинались с подходящей цитаты из товарища Сталина.

О репрессиях, разумеется, знали все, хотя в то время об истинных их масштабах не догадывались. С именем Сталина репрессии не связывали. Конечно же, Сталин ничего не ведал! Иначе не дал бы этому свершиться! 37-й год называли *ежовщиной* по фамилии тогдашнего руководителя НКВД Николая Ежова.

Я был очень *правильным* комсомольцем и советским человеком. Никаких сомнений в правильности пути, по которому нас ведёт партия, у меня не возникало. И такие же люди были вокруг меня.

Молодёжи, что-то слышавшей о культе личности Сталина, наверное, трудно себе представить, каким потрясением была его смерть для тех, кто был заражён этим культом. Об этом потрясении лучше расскажут не воспоминания, а живое свидетельство – записи в моём дневнике. Несомненно, типичные: **так** видели и **так** чувствовали тысячи людей вокруг меня. Те, кого сталинские репрессии не коснулись тогда напрямую.

Из дневника.

4 марта 1953 г. Сегодня утром ЦК партии сообщил о тяжёлой болезни товарища Сталина. В ночь на 2 марта у него было кровоизлияние в мозг, в результате паралич правой половины тела, потеря речи и сознания, нарушение важных функций мозга и всего организма.

Узнали мы об этом около 10 часов утра, на большой перемене после 1-й лекции. Трудно даже передать, как это ошарашило всех нас. Как дубиной по голове! Мысль, что со Сталиным может что-нибудь случиться, никогда не укладывалась в голову. Кто угодно, но не Сталин! У меня аж мороз по коже прошёл, девчонки плакали. Никакие занятия не шли уже в голову. Одна только мысль: как там?

В 2 часа в главном корпусе я слышал само сообщение ЦК и первый медицинский бюллетень. На перемене собралось около 1200 человек. Стояла гробовая тишина. Когда закончили передавать, все стояли и ещё чего-то ждали. Только бы остался жив!

6 марта 1953 г. В это невозможно поверить! Умер Сталин. В голове не вяжутся эти два слова. Сердце не хочет верить!

Траурные флаги на всех зданиях. Портреты с красно-чёрной каймой. Колонны здания Обкома партии обвёрнуты красными и чёрными полотнищами. Заплаканные лица людей. Передачи по радио через каждый час с промежутками, заполненными траурными маршами.

В глубоком молчании собирались на химфаке. Приходили за 20-30 минут до начала занятий и молча стояли в вестибюле, избегая смотреть друг другу в глаза. Небывалая, непривычная тишина. Красные от слёз глаза девушек. Серьёзные, сосредоточенные лица ребят. Уставившись в одну точку, и всё окружающее для тебя не существует.

Семинар по политэкономии.

– Почтим память Иосифа Виссарионовича Сталина вставанием.

Голос нашего преподавателя Козельского дрожит. Весь семинар он сидел, опустив глаза, боясь выдать слёзы. Ни говорить, ни слушать никто не мог. На переменах – тишина.

Возле Большой химической аудитории убирали траурными лентами и хвоей большой портрет Сталина. Вокруг молча стояли студенты. Стояли и плакали. Это невозможно – портрет Сталина и траурные ленты!

Толпа у репродуктора. Наверное, 10 раз слушают одно и то же сообщение, и каждый раз острой болью взрывается сердце. Никто уже не пытается скрыть слёз.

12 часов. Большая химическая переполнена. А тишина стоит, как в пустом зале. Ждут открытия митинга. Это пятиминутное ожидание в молчании бьёт сильнее самых страшных слов. Сталин умер – я и сейчас не могу понять этого никак!

Вечером выпускали траурный номер стенгазеты. Никого не звали, но собралась вся редколлегия. Скупое тратали слова. Работали молча.

Единственная мысль сверлит мозг:

– Как же без Него? Что теперь будет с нами?

9 марта 1953 г. Сегодня страна провожала в последний путь товарища Сталина. Все студенты пришли с траурными лентами и повязками. Печать горя на всех лицах.

11 часов утра. Главный корпус университета. По радио передают траурный митинг на Красной площади. Опять обильные слёзы девушек, комок в горле и жгучая одинокая слеза у мужчин.

12 часов. Залпы артиллерийского салюта. Страшной болью отдаётся каждый выстрел. Спазм сжимает горло. Ещё немного, и из глаз неудержимым потоком хлынут слёзы. Рядом, сжимая мою руку, стоит Талик Страдомский. Сбоку – преподавательница английского языка; она уже перестала вытирать слёзы со щёк. Вокруг уже не плачут, а рыдают.

Медленно шли на химфак. Молча разделись, зашли в Большую химическую. С лицом, красным от слёз, нас уже ждала преподаватель химической технологии Людмила Николаевна Успенская. Когда все собрались, она, плача, сказала:

– Сегодня мы в первый раз занимаемся без товарища Сталина...

Это была спичка, поднесенная к пороку. Зарыдала вся аудитория.

2 часа дня. Траурное собрание в Большой химической. Почётный караул из преподавателей и студентов у портрета Сталина сменяется каждые 5 минут. Прерывающимся голосом собрание открывает секретарь парторганизации доцент О.А. Осипов. Всё время низко нагибается, чтобы за столом кафедры скрыть слёзы. Докладчик – декан факультета И.Н. Беляев говорит с трудом. В середине доклада замолк минуты на 2 – душили слёзы. Никогда не слышал, чтобы так говорил П.И. Проценко – смесь горечи, слёз и решимости. Разрыдалась на трибуне пятикурсница Галя Горбатовых. За ней расплакались все. «Общие даже слёзы из глаз...»

Всё это было в моей жизни.

Но...

«... и пока никто ещё не знал,
что это – конец или спасенье».

(А. Ревич. Поэма о мартовском снеге)

Откуда я мог тогда знать, какая жуткая судьба была предопределена мне тем, кому я так безоглядно был предан, чью смерть так искренне оплакивал! Неважно, что *правильный комсомолец* ничем не отличался от большинства советских людей. Он был ещё и евреем.

В годы перестройки и гласности, когда всплыли многие тайны, тщательно спрятанные от посторонних глаз, выяснилось, что злобещий сценарий «окончательного решения еврейского вопроса в СССР» уже был написан, съёмки второй серии кровавого фильма под названием «Холокост» уже начались. Первую серию ставил другой режиссёр – Адольф Гитлер. Она унесла жизни родителей моего отца. Во второй серии должны были прийти за нами.

Уже были арестованы и расстреляны члены Еврейского антифашистского комитета. Велась борьба с *безродными космополитами*, под которыми имели в виду евреев. Раскручено «дело врачей-вредителей», обвинённых в умерщвлении видных деятелей партии и советского государства А.А. Жданова, А.С. Щербакова, А.М. Горького. У большинства из них были еврейские фамилии. На середину марта был намечен показательный процесс по этому делу. «Убийц в белых халатах» собирались публично повесить на центральных площадях Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска и других крупных городов. Чтобы возбудить ненависть народа ко всем евреям. «Патриотически-настроенные граждане» должны были «стихийно» начать еврейские погромы. А правительство, «спасая евреев от народного гнева», осуществит их массовую депортацию в Сибирь и на Дальний Восток. У Сталина был богатый опыт по организации массового переселения народов.

Вам ничего не напоминает этот сценарий? Мне напоминает – «Воззвание к еврейскому населению города Таганрога», с которым фашистские захватчики выступили в октябре 1941-го. Чтобы оградить евреев от актов насилия, их *концентрировали* в отдельном районе города. Всё так и было: собрали, перевезли «в другой район» – в Петрушанскую балку, где всех *оградили* – расстреляли.

Уже было подготовлено письмо видных евреев на имя «великого и мудрого вождя товарища Сталина» с *просьбой* о депортации, а политический обозреватель «Правды» Хавинсон, писавший под псевдонимом М. Маринин, вместе с известными академиками Митиным и Минцем уже вёл сбор подписей под этим письмом. Было подготовлено и

обращение «Ко всем евреям Советского Союза», призывающее их «честным и самоотверженным трудом там, куда направят нас партия и правительство» «доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа». Уже была создана специальная комиссия по депортации под председательством М.А. Суслова. По всей стране уже составлялись списки лиц еврейской национальности – *чистокровных* и *полукровок*.

В феврале 53-го Сталин дал указание Булганину подогнать к Москве и другим крупным городам несколько сотен железнодорожных составов. Планировалось организовать крушение части этих поездов и «стихийные нападения» на них «патриотически-настроенных граждан», чтобы расправиться с депортируемыми ещё в пути. До мест назначения должна была добраться лишь половина, а там, в концлагерях, уже строили для них бараки со стенами в одну доску, обеспечивающие гибель большинства прибывших от сильных морозов. Начало *акции* было намечено на 6 апреля 1953 г.

Лишь спасительная смерть Сталина похоронила дальнейшие съёмки этого фильма ужасов. Всего лишь за месяц до того, как должна была быть безвозвратно смята, сломана в числе прочих и моя жизнь.

Но тогда я не знал, каким *светлым*, каким счастливым должно было стать моё ближайшее будущее, в котором я был столь наивно уверен. И неожиданное *избавление* воспринимал как самое сильное *потрясение* в своей жизни.

Все приведенные здесь факты взяты из публикаций в открытой печати *перестроичных* лет. Не в «жёлтой» прессе, а в респектабельных изданиях. Я ничего не придумал. А вот и новые свидетельства: «Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной¹, рассказанная ею в фильме Олега Дормана», М.: Астрель, 2010, с. 216.

«Был такой академик Минц, придворный специалист по истории партии. От его дочери я узнала, что он пишет письмо Сталину. В этом тексте, который должны были подписать самые известные евреи, они признавали преступления, совершённые их собратьями против русского народа и социализма, и просили разрешения их искупить. С другой стороны, мне рассказывал приятель, журналист Семён Беркин: он готовил репортаж из Сталинграда – рабочие тракторного завода единогласно проголосовали за принятие резолюции о всеобщей депортации евреев. А Лёня Агранович и Сеня Листов, наши друзья-драматурги... рассказали, что они написали для Театра Советской армии пьесу, которую с энтузиазмом приняли, но когда завлит пришёл к директору театра с вопросом, какой гонорар им выплатить (обычно это было от 15 до 25 тысяч рублей), то директор-генерал... ответил: «Выписывай три, им хватит». Завлит изумился, а генерал пояснил: «По полторы тыщи на месяц вполне достаточно, а потом их посадят по вагонам и отправят в Сибирь».

...Служил в Симином театре зав постановочной частью Додик Левит. Он... иногда организовывал выступления актёрских бригад в армии. Он рассказал, что недавно поехал на такую гастроль в Восточную Сибирь, в большую глушь... с Юрием Любимовым... И в какой-то момент лётчик ему сказал: «...Посмотрите внизу, видите?» И показал такие большие, в виде букв поставленные бараки. Каждые 8-10 метров гряда бараков, в виде буквы «Т». Он говорит: «А ведь это для вас построено... Это вас туда вывозить будут. Уже есть постановление правительства».

Как-то раз Сима² пошёл в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злорадства, но как бы по-дружески сказала: «Вот видите списки?»

¹ Лунгина Лилианна Зиновьевна (1920-1998) – филолог, переводчик художественной литературы (с французского, немецкого и скандинавских языков). Благодаря ей русские читатели узнали «Малыша и Карлсона» и «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрен, романы Гамсуна, Стриндберга, Бёлля, Сименона, Шиллера, А. Дюма, Виана, Аджара. В детстве жила во Франции, Палестине, Германии, в СССР вернулась в 1934 г. 14-летней девочкой.

² Лунгин Семён Львович (1920-1996), муж Л.З. Лунгиной – драматург и сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1981), лауреат Государственной премии РСФСР (1978). Автор сценариев таких известных фильмов, как «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», «Внимание, черепаха!», «Розыгрыш», «Трое в лодке, не считая собаки» и др.

Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши... Вот вас выселять будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал».

И всё же кто-то скажет: Не верю, быть того не может! Чем чудовищнее правда, тем труднее в неё поверить. Евреи, которых 30 октября 1941 года немцы собирали в Таганроге, тоже не верили... И публикациям на Западе о репрессиях 1937 года и о ГУЛАГе тоже не верили.

Ежегодно в университете проводились студенческие теоретические конференции. В 1954 году я выступал на такой конференции с основным докладом «Марксизм-ленинизм о роли личности в истории». Разумеется, он отражал официальную позицию по этому вопросу. Историю делают народные массы, но роль личности в истории очень велика. Культ личности – явление отрицательное. Товарищ Сталин выступал против культа своей личности.

Развенчание Сталина в годы перестройки стало для меня большим ударом. Человек, которому мы поклонялись как божеству, которому в своём школьном сочинении «Образ товарища Сталина в советской литературе» я приписал самые лучшие человеческие качества, оказался совсем другим. А смерть, которая была для нас тяжелейшим жизненным испытанием, оказалась благом для измученной страны.

Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

(М. Исаковский)

Это страшно – узнать, что ты поклонялся нарисованной иконе, не имеющей ничего общего с истинным обликом.

Это страшно – узнать, что тобой манипулировали.

Это страшно – узнать, что твои идеалы – всего лишь красивый фасад, которым прикрывались люди, преследующие корыстные цели.

Это страшно – узнать, что светлое будущее, во имя приближения которого ты работал всю жизнь, в конце концов, оказалось ещё дальше, чем было.

Это страшно – видеть, как многие лучшие люди покидают страну, потеряв веру в её будущее.

Всю жизнь я занимался активной общественной работой. Занимался, потому что верил в *светлое будущее* страны. Это будущее называли коммунистическим – значит, в *светлое коммунистическое будущее*. Если не для нас самих, то хотя бы для наших детей и внуков. Эта вера, которую в нас воспитывали с пелёнок, была святой. Ради *светлого будущего* наших детей можно было идти на любые лишения. С моим представлением о своём месте в этой жизни были созвучны слова песни из телефильма «Как закалялась сталь» по Н.А. Островскому:

*Я это сделать должен,
В этом судьба моя.
Если не я, то кто же?
Кто же, если не я?!*

Это неправда, будто в партию шли одни карьеристы. Идеалистов было значительно больше. Меня окружали, в основном, именно такие люди.

Мне не в чем каяться. Я был честен перед собой, перед своими детьми, перед страной. Я искренне делал то, что мог. Такие, как я, стали жертвами **большого обмана**.

А светлое будущее растаяло, как мираж в пустыне.

Но я уверен в будущем моей страны. То, что не смогло сделать наше поколение, сделают наши внуки и правнуки.

Страдомский

Талик Страдомский, Виталий Борисович, мой одноклассник, а теперь и однокурсник, стал в студенческие годы моим самым близким товарищем.

Он по-прежнему очень много болел, пропускал занятия, в другие сроки сдавал ряд экзаменов. В детстве случайный взрыв лишил его правого глаза. Уже только поэтому ему было тяжелее, чем нам. Но он мужественно держался, не отставал и экзамены сдавал хорошо. Он был упрямый парень.

Талька был основательным и аккуратным. Если уж он за что-то брался, то делал это как следует. *Тяп-ляп* – не терпел. Халтурить не умел и не хотел. Почерк у него был – загляденье! Красивее и аккуратнее никто не напишет. И рисовал отлично.

В компании он был весёлым, умел *представиться*. С ним скучно не было.

Талька старался держаться в стороне от общественной работы, почти никогда не выступал на собраниях. Его не трогали – знали о его слабом здоровье.

Подайте бедному студенту на пропитание

Новый, 1951 год мы встречали у Жени Батарыгиной. Накануне Талик заболел, и мы с Женей и Лилей Тащиловой отправились к нему домой – уговаривать его и его маму Валентину Фёдоровну, чтобы всё-таки он встречал с нами.

Компания хорошая: Света Вигант, Лиля Тащилова, Ляся Кацевич со своим будущим мужем Юрой Алёшиным, Галя Самофалова, Эдик Агабальянц, несколько *не наших*. Уже через час после стола Талику стало плохо – пошла кровь носом. Кровь остановили, уложили на диван, где он вскоре заснул. Конечно, на нашем настроении это не могло не сказаться.

А встреча была *химическая*: пустили несколько ракет, жгли смесь бертолетовой соли с сахаром и порох изготовления Страдомского.

Женился Талик на Анечке Сазоновой³, симпатичной девочке, которая училась на 3 курса младше нас. Уже после окончания университета.

Мне очень жаль, что он так рано ушёл (1 марта 1981 г., едва отметив своё 50-летие). Я радовался за него, когда его выдвинули заместителем директора по науке в Новочеркасском гидрохимическом институте, где он проработал всю свою трудовую жизнь. Когда он, исхудалый, постаревший, изнеможённый в неравной борьбе с болезнями, приезжал в Москву к врачам, то обязательно приходил ко мне, и я, как мог, пытался его

³ Страдомская Анна Георгиевна (24 сентября 1935 – 17 декабря 2007) окончила химический факультет Ростовского государственного университета (1958). Доктор химических наук. Почётный работник Гидрометслужбы. Награждена медалями ВДНХ и Гидрометслужбы. С 1970 по 1985 гг. являлась членом межведомственных и отраслевых комиссий по унификации и стандартизации методов анализа вод; постоянным экспертом от СССР по методам анализа вод и подготовке серии сборников "Унифицированные методы исследования качества вод" (в рамках СЭВ). Главный научный сотрудник Южного отдела Института водных проблем РАН, г. Ростов-на-Дону. Автор 160 работ.

поддерживать. Но миелолейкоз, нажитый при работе с радиоактивными веществами, наложился на букет *болячек*, не дававших ему покоя ещё в юности...

Его Анечка работала в том же Новочеркасском гидрохимическом институте. В конце 80-х защитила докторскую, умерла в 2007 году от третьего инфаркта. О чём мне сообщил их сын Борис Витальевич, биохимик, доктор биологических наук, зам. генерального директора по научной работе Ростовского фармацевтического завода "Фармпрепарат".

**Анна Георгиевна и Виталий Борисович
Страдомские**

Лиля Тащилова

Одним из самых духовно близких мне людей в моей юности была Лиля Тащилова. В школьные годы мы давно знали друг друга, а дружили с 10 класса, и она навсегда осталась для меня девушкой, которая была моей *подругой* на выпускном школьном вечере.

Во многом мы с Лилей были почти одинаковы: одинаково мыслили, одинаково относились к жизни, многие наши поступки были одинаковыми. Я практически всегда знал, как поступит Лиля в той или иной жизненной ситуации. Сюрпризов в её поведении для меня не было.

Лиля жила с матерью, отец её умер. У неё всегда было много друзей. Лиля была умным и очень обязательным человеком. Всё, что ей поручали, она делала основательно, серьёзно и *с душой*. Умела грамотно, красиво говорить, и ей часто поручали выступать на различных торжественных собраниях. Её выступления неизменно вызывали бурную, восторженную реакцию слушателей.

Уже на 1-м курсе Лилю избрали сначала комсоргом курса, затем членом факультетского бюро комсомола. Секретарь бюро – коммунист, фронтовик Толя Гиренко поручил ей учебно-производственный сектор. Решение поставить на такой ответственный участок первокурсницу было слишком смелым. Лиля старалась изо всех сил: нужно было всю себя отдать общественной работе и в то же время быть примером в учёбе.

Первую нашу сессию факультет сдал плохо – 8 неуспевающих. И хотя сама Лиля стала отличницей, её работу признали неудовлетворительной. С этого сектора Лилю сняли, что опять-таки было ошибкой: если бы даже учебно-производственный сектор

возглавлял сам Гиренко, вряд ли результаты сессии оказались бы лучше. Лиле нужно было помочь, а не снимать – она всегда предельно добросовестно и ответственно относилась к любой порученной ей работе. В бюро Лиле дали бытовой сектор. И хотя эта работа мало соответствовала её наклонностям, бытовой сектор на химфаке стал лучшим в университете.

В начале 2 курса Лиля пережила глубокий психологический кризис. Она сама *излила мне свою душу*. Лиля всегда была одной из лучших учениц в школе. Всегда вела большую общественную работу. Всё у нее получалось, её любили, уважали, ставили другим в пример. Она привыкла слушать о себе только хорошее. И вдруг этот удар на комсомольском бюро химфака, который выбил её из колеи. Привыкла быть самой лучшей – и вдруг *не справилась* с поручением. Сразу кинулась в другую крайность: а нужна ли я вообще? Гожусь ли хоть на что-нибудь? Её огорчала критика по самому мелкому вопросу. Стало казаться, что её не любят, не уважают. Оказалось, что Лиля *не умеет держать удар*. Стало даже созревать решение уйти в другой вуз.

У меня был с ней долгий разговор на эту тему. Мне кажется, что я сумел найти нужные слова, чтобы поддержать её. По крайней мере, после нашего разговора ей стало легче, и об уходе с химфака она больше не заговаривала.

На химфаке Лилю ждал ещё один жестокий удар: в 1953 году она с первого захода не сдала экзамен по кристаллографии и лишь при пересдаче получила 4. Никогда ни до, ни после она даже троек на экзаменах не получала. Четвёрку считала большим поражением. И вдруг такое! Переживала страшно, но выдержала.

В ноябре 1951 г. нас собрались посылать на уборку хлопка. Какой умник придумал сеять хлопок в Ростовской области? В наших климатических условиях он просто не успевал созреть. Тот год показал полную несостоятельность такого решения. Уехала первая группа, но ребята писали, что льют непрерывные дожди, работать нельзя. Ехали только добровольцы. Не оказаться в их числе означало быть человеком, не достойным уважения. Меня назначили руководителем бригады из 12 студентов химфака, 8 из них – из нашей группы. Выезд несколько раз откладывали. Когда нас собрали 30 ноября в 3-й раз, сообщили, что решено физически слабых девочек не брать. В число физически слабых попали Лиля Ташилова и Ляся Кацевич. Нет слов, чтобы передать, как это огорчило Лилю. Со слезами на глазах она буквально *вымолила* у декана Беляева разрешение поехать. А потом по секрету сказала мне, что у неё утром была температура. Я назвал её сумасшедшей и сказал, что никуда она не поедет. Лиля умоляла меня никому об этом не говорить. И я очень хорошо её понимал: в том моральном состоянии, в котором она пребывала, для неё было крайне важно, чтобы её от поездки не отстранили. К счастью для Лили, мы так и не уехали – поездку отменили: проливные дожди не дали возможности работать.

Маленькая комичная деталь, касающаяся условий, в которые попала первая группа студентов. Ребята рассказывали, что от места работы до станции железной дороги шли пешком по совершенно *раздолбанной* дороге, по которой никакой транспорт пройти уже не мог. В середине пути один из студентов заметил, что калоша имеется лишь на одной ноге. Снял и выбросил вторую. На станции стали мыть в луже обувь. Оказалось, что потерянная калоша благополучно сидит на ботинке. Выбросил и её.

С Лилей постоянно что-нибудь случалось. Однажды в троллейбусе у неё вытащили только что полученную стипендию. 12 декабря 1951 г. на Лилю было совершено нападение. Они с Лясей ходили в кино, и она поздно возвращалась домой. По Семашко вниз шло много народу. Ляся заметила прилично одетого мужчину, внушающего доверие.

– Иди, не бойся. Если что, он вступится.

На Донской улице «внушающий доверие» тип свернул за Лилей, зашёл в парадное её дома и бросился за ней по лестнице. В тот момент, когда она уже протянула руку к звонку, он схватил её за руку, дёрнул, и она боком сильно ударилась о перила. Звонок получился слабым, но мама услышала, и это Лилю спасло. Когда тип вынул нож, Лиля, растерявшись, стала его просить не трогать её. А тип принялся уговаривать её пойти с ним. Услышав звуки открываемой двери, он дважды пырнул Лилю ножом и скрылся. Лиля сказала матери:

– Мама, не волнуйся, вызови скорую помощь.

Ничего себе «не волнуйся»!

В их доме находился батальон милиции. Когда они оцепили дом, преступника уже и след простыл. Лилю отвезли в больницу. К счастью, ничего опасного не было. Первый удар пришелся в лопатку, рана сильно кровоточила. Во второй раз нож застрял в пальто. Сильно болел ушибленный бок. Через несколько дней она была уже дома.

Главной была, конечно, психологическая травма. После этого случая Лиля боялась одна возвращаться домой, и её обязательно кто-нибудь из ребят провожал. Очень часто делал это я. Даже тогда, когда очень хотел провожать другую.

В ноябре 1953 г. мы ездили по районам Ростовской области с антирелигиозной лекцией, сопровождающейся эффектными химическими опытами. Лиля ездила на пару с Лясей. Сначала они ломились в родильный дом, спутав его с гостиницей. Потом пришли к секретарю райкома комсомола в тот момент, когда она целовалась с молодым человеком. Попали на ночлег к сумасшедшему и ночью удирали от него, после чего спали на столах в каком-то учреждении. Лиля уронила свою лекцию в Дон и, доставая, по колено промочила ноги. Ляся отстала от поезда и 4 часа сидела в сторожке в ожидании следующего, а Лиля волновалась за подругу. Ни у кого из наших лекторов не было такого количества приключений!

После окончания университета Лиля получила назначение на Новочеркасский электродный завод, руководила там лабораторией внедрения новых материалов на заводе, была секретарём парторганизации. Сделала кандидатскую диссертацию под руководством Б.И. Ардашева. Написала диссертацию и автореферат, но в 1972 году Ардашев умер от сердечного приступа, и Лиля... не стала её защищать («Сама виновата», – писала она мне). В пенсионном возрасте с завода ушла и работала учителем химии в лицее. В одночасье потеряла маму, мужа и лучшую подругу – Лясю Кацевич. Детей у Лили не было, и я понимал, в каком одиночестве она вдруг оказалась. Лиля посылала мне свои печатные работы, а я ей – некоторые свои. Она очень интересовалась моими статьями по таутомерии антрахинонов. Писала, что подробно их изучает, а мою книгу о применении антрахинонов показывала на заводе, где заинтересовались некоторыми направлениями их использования.

Последнее её письмо датировано 21.02.05, после чего она вдруг замолкла. А в декабре я узнал, что в конце сентября – начале октября 2005 года Лилия Петровна Тащилова умерла на 75-м году жизни от рака поджелудочной железы.

Судьба Лили Тащиловой сложилась так, что ей не довелось реализовать свой большой потенциал. Лиля не из тех, кто, поставив перед собой какую-то цель, упорно пробивается к ней. Такие, как она, всего себя отдают на том месте, куда их поставит

судьба. Человек красит место, и она бы украсила любое место, на котором оказалась. Она – эталон добросовестности, доброжелательности и порядочности. Да и ума и таланта ей не занимать. Как много в нашей стране таких людей, которые могли бы сделать значительно больше, чем сделали!

Лида Булыгина

Лида Булыгина, девушка из Ставрополя, училась вместе со мной в одной подгруппе. Комсомольское бюро факультета ввело Лиду в редколлегияу стенгазеты, и мы стали вместе работать. Нас настолько часто видели вместе, что даже преподавательница немецкого Л.Х. Дементьева как-то заметила:

– Что-то вы стали в одни дни отвечать: как намечу спросить Файна, обязательно и Булыгину вызываю.

Володя Каплин не удержался:

– Подозрительно...

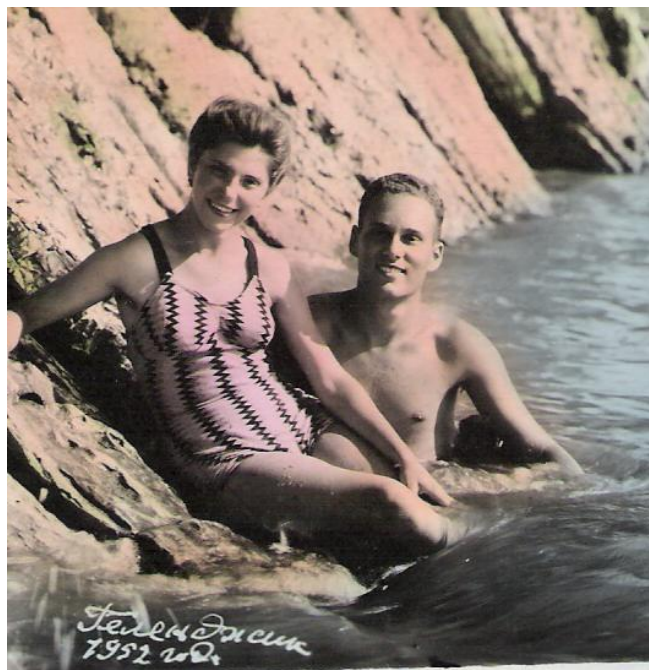
Мы с Лидой много и откровенно беседовали на темы, на которые мне не приходилось раньше разговаривать с девушками: о любви, о счастье, о семейном благополучии, о жизни вообще. Оказалось, что мы буквально во всём сходились во мнениях. Девушка открытая, она мне многое о себе рассказывала. Мне нравилась её экзальтированность и подвижность, жизнерадостность. Глядя на неё, трудно было поверить в то, что она серьёзно больна. Природный порок сердца в тяжёлой форме, гипертония. Врачи даже советовали ей бросить учиться. После нескольких припадков её освободили от обязанностей секретаря курсового бюро ВЛКСМ. Я знал, что у неё есть парень, который учится в Москве.

В августе 1952 г. мы с Лидой в одно время отдыхали в Геленджике, только в разных домах отдыха. Сфотографировались на море.

Однажды я буквально вытащил её из одной слишком темпераментной игры. Задышется, еле дышит, но продолжает бегать. Я вмешался, отвел её на скамейку, где она долго приходила в себя.

В декабре 52-го Агабальянц написал в «Химик» статью о поведении Лиды Булыгиной. Она в последнее время, действительно, разболталась: уходила с лекций, занималась на лекциях посторонними делами, разговаривала. Словом, её, комсорга, поведение было вполне достойно критики. Статья была написана хорошо, но... писал её Агабальянц! Тот, который нарушал дисциплину гораздо больше Булыгиной!

Я был против публикации статьи и даже говорил об этом секретарю парторганизации О.А. Осипову и секретарю факультетского бюро ВЛКСМ Г. Дорофеенко. Но они были неумолимы: печатать, иначе это будет выглядеть как использование своего положения для зажима критики снизу. Мои дружеские отношения с Лидой Булыгиной ни для кого секретом не были. Я, редактор, сделать ничего не мог.

В август

Получилось, как я и ожидал: Лиду эта статья *прибила*. Целый день ходила хмурая, потом подошла ко мне и расплакалась.

– Уж если бы кто-нибудь другой написал! Любой человек, которого я уважаю!

Ей было обидно, и я очень хорошо её понимал.

У Лиды хватило мужества и целеустремлённости хорошо окончить университет. Но большее уважение вызывает даже другое: такая темпераментная и экзальтированная девушка сохранила верность своему парню.

В 1963 году я побывал в московской квартире, где жила теперь уже Лидия Павловна Руссо. Познакомился с её мужем и 4-х-летним сыном. Лиде сделали успешную операцию на сердце, после которой она лежала почти год и некоторое время не могла даже говорить.

Муж Лиды – физик, собирался защищать диссертацию. Жили они в Электростали и лишь недавно переехали в Москву. Ютились в проходной комнате на Таганке и надеялись на жилищный кооператив. Лида работала в ГИАПе – Государственном научно-исследовательском и проектном институте азотной промышленности.

Увы, это была наша последняя встреча. Жизнь развела нас в разные стороны, и так уж получилось, что, даже став москвичом, я не возобновил знакомство с семейством Руссо.

Агабальянц

Если не считать троих студентов, отсеявшихся после первой же сессии, Эдик Агабальянц учился хуже всех на курсе: учёбу считал далеко не главным делом в своей студенческой жизни. У него, высокого, стройного красавца, была репутация весёлого парня, певуна, донжуана и прожигателя жизни. Его прорабатывали на собраниях, но относились к нему поначалу неплохо.

Практикум по аналитической химии, на перемене. Май 1952 г. Антон Матвеев, Игорь Шеломов, Саша Гарновский, Лида Булыгина, Галя Самофалова, Лиля Ташилова, Света Вигант, Талик Страдомский, Ляся Кацевич, Эдик Агабальянц и я. Фото Здзислава Дудзика.

В сентябре 1951 г. Агабальянца приняли в комсомол, никто против этого не возражал. Позже стало ясно, что мы ошиблись: за маской рубахи-парня скрывалась мелкая душонка пошляка и эгоиста.

Впервые я понял это в военных лагерях в июле 1952 года, когда мне довелось месяц прожить с ним в одной палатке и делить трудности лагерной жизни. В лагере все старались *сачковать*: физическая нагрузка была велика, и мы использовали любую

возможность для дополнительного отдыха. Но я не заметил, чтобы кто-нибудь, кроме Агабальянца, делал это за счёт товарищей.

Так, был случай, когда орудийный расчёт тащил на руках по рытвинам и воронкам тяжёлую пушку, а Эдик стоял в сторонке: у него пальчик болел. Нагрузка на остальных, естественно, увеличилась, и им возмущались все ребята.

В первый день лагерей наш помкомвзвода сержант Курочка, не расслышав моей фамилии, переспросил:

– Фаня?

Естественно, это вызвало смех. Я сам смеялся. Больше всех «Фаня» понравилась Агабальянцу. С тех пор он величал меня в лагере только так, с соответствующими репликами как о развратной, нечистоплотной женщине. Сначала я не придавал этому значения – пусть резвится. Потом это стало выходить за рамки элементарного такта и превратилось в разнузданное хамство.

В лагере я вёл дневник в маленькой записной книжке, которую держал в кармане гимнастёрки. Ничего интимного в нём не было – описывал наш лагерный быт. Вёл открыто, не таясь. Если кому интересно – скажи, дам почитать. Однажды в перерыве занятий по матчасти я вдруг увидел её в руках геолога Павлова. Выхватил из его рук, но на меня навалились трое и отняли.

– Я не у тебя её брал! – кричал Павлов.

Книжечку мне вернули в тот же день, но моему возмущению не было предела. Вытащить книжечку из кармана гимнастёрки мог только обитатель нашей палатки. Накануне я заметил, как Агабальянец ходил с заговорщеским видом, что-то показывал другим, при этом на меня подозрительно оглядывались. Но, чувствуя какую-то подлость, я и представить себе не мог, что возможно такое. И после всего этого Агабальянец... приносил мне соболезнования в том, что у меня отняли мою же книжку. Позже он публично признал, что именно он вытащил её из кармана моей гимнастёрки.

Несколькими днями ранее в лагере подрались Шеломов с Агабальянцем. Они вели разговор в порядке лёгкого подкалывания, потом оскорблённый чем-то Игорь дал Агабальянцу в морду. Тот схватил скамейку и ринулся на Шеломова. И началось... Они били друг друга ремнями, потом сцепились, покатались по земле, пыхтят, сопят, царапаются... Еле разняли. Ребята растаскивали их за ноги, а сержант Харитонов протиснул между ними клинок в ножнах.

Драка в лагере не воспрепятствовала дружеским отношениям Агабальянца и Шеломова.

Лагерный инцидент не помешал Агабальянцу обратиться ко мне с довольно существенной просьбой. По его словам, он испытывал материальные трудности, и у него не было денег заплатить за учёбу. В первые годы мы платили, кажется, по 70 руб. в год, потом плату отменили. Перед этим он уже брал деньги в кассе взаимопомощи, второй раз подряд ему бы не дали. Агабальянец просил, чтобы я взял в кассе взаимопомощи ссуду для него, а он потом вернёт. Он знал, что мне наверняка дадут. Мне не хотелось этого делать для Агабальянца, но я посчитал, что не по-товарищески распространять личную неприязнь на такие вещи. Лишь после многократных напоминаний Агабальянец вернул мне эти деньги и дал возможность, пропустив все обязательные сроки, рассчитаться с кассой взаимопомощи.

Когда я начал встречаться с однокурсницей Аллой Тофановской, моей будущей женой, он однажды в присутствии многих студентов задал мне предельно хамский вопрос:

– Ну, ты уже спал с ней?

11 февраля 1954 года состоялось самое бурное за всё время нашей учёбы факультетское комсомольское собрание. Среди прочих вопросов стояло персональное дело Агабальянца, которого за неуспеваемость и аморальное поведение предлагали

исключить из комсомола. Курсовое собрание и факультетское бюро такое решение уже приняли. Своим хамством Агабальянц уже всех *достал*.

Накануне в университетской многотиражке «За советскую науку» была опубликована статья «Мелкая душонка» об Агабальянце. Её писали Булыгина, Алёшина (Кацевич), Тащилова, Батарыгина и я, перед публикацией её подробно обсуждали в группе.

Главным защитником Агабальянца был умный и хитрый Игорь Шеломов. Именно он режиссировал тактику Агабальянца на этом собрании. Ещё в прениях по докладу декана Беляева об итогах зимней сессии Агабальянц выступил с покаянной речью. Дескать, раньше вёл себя неправильно, неверно относился к учёбе, и он благодарит комсомольскую группу за то, что она раскрыла ему на это глаза. Конечно, это был *ход конём*. Агабальянц всегда открыто плевал на мнение комсомольской группы, и не было никаких оснований верить ему.

Когда перешли к обсуждению персонального дела, Агабальянц обиделся на собрание, которое с недоверием отнеслось к его словам. Его осадил Беляев:

– Нечего обижаться на товарищей: умел отпускать остроты в их адрес, умеи и выслушивать!

С критикой в свой адрес Агабальянц согласился, но вывод о его моральном облике отверг.

Главным козырем Агабальянца было выступление Шеломова.

– Недостатков Агабальянца я не скрываю: он бездельник, лодырь, тунеядец. Но не мелкая душонка, его моральный облик не низок. Я против исключения его из комсомола: он встал на путь исправления, и я приложу все силы, чтобы помочь ему в этом. Если же у меня ничего не выйдет, я сам приду в бюро и скажу, что его надо исключить.

– Мы не раз уже слышали покаяния Агабальянца, и каждый раз убеждались в том, что он обманывает. Мы не верим ему! – выступление Ляси Кацевич было очень энергичным.

Наша однокурсница Валя Алексеева говорила об отношении Агабальянца к девушкам, о его оскорбительных остротах, переходящих все грани приличия.

Выступали многие. Никто не говорил об Агабальянце хорошее. А вот о том, что с ним делать дальше, мнения разделились. Исключать или не исключать?

Лёва Лемперт выразил мнение многих, мало знавших Агабальянца:

– Я в комсомоле с 1945 года, и впервые не знаю, как мне голосовать. Выступают одни – вроде, правы. Другие – тоже. Давайте отложим дело до следующего комсомольского собрания и посмотрим, действительно ли он исправляется.

Предложение Лемперта было принято.

Цену «исправления» Агабальянца узнали быстро: следующую же сессию, начавшуюся уже в апреле из-за предстоящей производственной практики, он полностью завалил, и уже в середине мая его исключили из университета. Поспешно снялся с комсомольского учёта.

Мы уже думали, что никогда больше не увидим Агабальянца, но жизнь заготовила нам ещё один акт этой драмы.

Едва начался новый учебный год, как влиятельные родственники Агабальянца развили бурную деятельность, направленную на его восстановление в университете. Собрали кучу справок, что он был болен, что умерли его тётя и отчим, что больны отец и мать и т.д. С этими справками обратились в Москву, в обком партии, ректорат и добились того, что и.о. ректора Кузнецов начертал на заявлении Агабальянца: «Разрешить пересдать экзамены, после чего восстановить в университете».

Экзамены (истмат, политэкономия и коллоидную химию) Агабальянц пересдал, но новый декан химфака П.И. Проценко поставил вопрос так: его восстановят, если за него будут ходатайствовать общественные организации.

В Ростов приехали два дяди Агабальянца – директор Краснодарского пищевого института и юрист, стали ходить по инстанциям. За помощью комсомола обратились в... обком. Оттуда пришли к секретарю комитета комсомола университета Бабаеву, стали его убеждать и вести с ним торг. Бабаев привёл их на химфак и дал возможность обратиться к любым комсомольцам. Все выразили резко отрицательное мнение об Агабальянце. Дяди сказали: «Вопрос ясен» и пошли в ректорат убеждать, что комсомольцы... горой за Агабальянца. Дело направили на факультетское бюро ВЛКСМ химфака.

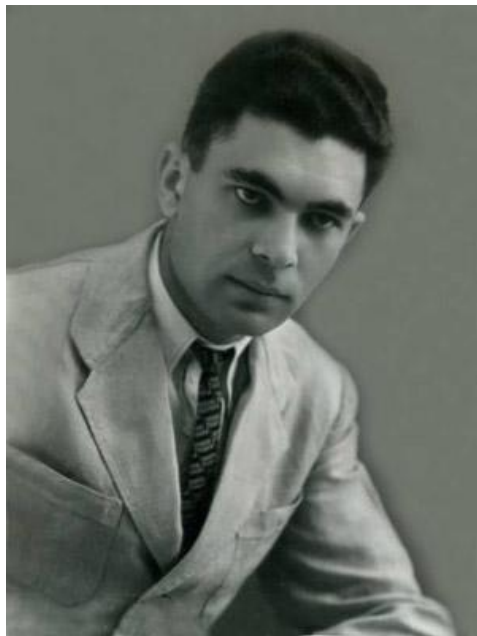
И вот накануне ноябрьских праздников на открытом заседании бюро собралось человек 50 комсомольцев. Агабальянец пришёл с дядей-юристом, чем вызвал немалое возмущение.

В защиту Агабальянца выступили только двое – Шеломов и Каплин, остальные резко против. Выступление дядюшки-адвоката было сплошной демагогией. Начал он с того, что объявил всех нас честными комсомольцами, безо всякого пристрастия относящимися к его племяннику. Затем пытался всех разжалобить несчастьями в семье и испрашивал «амнистию». Увидев, что результата это не даёт, стал просто всем мешать, прерывая каждого выступающего. И добился только прямой и невежливой отповеди возмущённых комсомольцев:

– Замолчите! Не мешайте нам! Мы не хотим вас больше слушать!

Бюро единогласно отказало Агабальянцу в ходатайстве о восстановлении его в университете. В университете Агабальянца не восстановили.

...Прошло лет 15. Просматривая свежие номера отечественных химических журналов, я вдруг натолкнулся, кажется, в «Украинском химическом журнале» на большой портрет Эдуарда Гаспаровича Агабальянца. С сообщением о присуждении группе из 3-х киевских исследователей престижной премии. Позже в картотеках центральных научных библиотек я нашёл автореферат докторской диссертации Э.Г. Агабальянца «Исследование термоселеустойчивости дисперсий глинистых минералов» (Киев, 1973), 4 его монографии, изданные в 1972-1986 г.г., а в авторском регистре Реферативного журнала «Химия» – большое количество ссылок на публикации с его участием в 60-80-х годах.

Ещё позже в интернете я нашёл немало материалов о жизненном пути Эдуарда Агабальянца. Вот как он представлен в семейной летописи Агабальянцев (<http://agabalov.ru/a-eduard.html>):

«В школе Эдик учился неважно, слыл «ленивым шалопаем». Студенческие годы начались в Ростове-на-Дону на химическом факультете Университета, позже продолжились в Кишинёве. После Университета переезжает с матерью в Киев. С 1962 года работает в Институте коллоидной химии и химии воды Академии Наук Украины, с 1970-го — в качестве старшего научного сотрудника этого института. В 1965 году — кандидат химических наук. В 1969 году, за работу «Физико-химическая механика термосолеустойчивых дисперсий глинистых минералов» — лауреат Государственной

Премии Украины. В 1973 году — доктор химических наук. Автор большого количества научных работ и научно-популярных книг, посвящённых глине, её лечебным и прочим свойствам.

Э.Г. Агабальянц (1932, 4 июля, Ростов-на-Дону — 1996, 5 августа, Киев)

Долгие годы личная жизнь Эдика не складывалась. Отчасти по его вине — невоздержанность в вопросе алкоголя и женщин многих восстанавливала против него».

По воспоминаниям Лидии Сергеевой (Агабальянц)

Вот так. Гримаса Фортуны: чудесное превращение гадкого утёнка в почти прекрасного лебедя. Лентяй, шалопай и пошляк стал крупным специалистом в коллоидной химии, студенческий экзамен по которой он, единственный на курсе, сдал лишь со второго захода.

Вероятно, дяди помогли ему окончить вуз и устроили на хорошую работу. На своём жизненном опыте знаю, как это было важно и трудно – получить работу, где ты мог бы полноценно реализовать свои возможности. Но дальше всё зависело от него самого. Он смог, и можно только порадоваться такому эпилогу.

А как же с моральным обликом? На мой взгляд, это неисправимо. Можно стать даже выдающимся учёным, оставаясь хамом, пошляком, бабником и выпивохой.

Однокурсники

Не **все** мои однокурсники оставили серьёзные зарубки в моей памяти, поэтому и вспоминать я буду лишь немногих.

Из ребят после Страдомского для меня самым близким товарищем в группе был **Олег Шелепин**. Школьная общность сказывалась. Олег был скрытен. На собраниях не выступал, высказывался только в личном общении и далеко не со всеми. Общественной работы избегал. Когда на 4-м курсе нас разделили по кафедрам, мы с ним оказались единственными парнями, выбравшими кафедру органической химии. Вместе жили на практике в Рубежном, где Олег тоже *вкалывал*, не жалея сил. Даже задержался на практике, когда все уже уехали. В руководители дипломной работы он выбрал себе Юрия Андреевича Жданова. Видимо, тот был доволен работой своего дипломанта, если оставил его в аспирантуре, единственного из всего нашего выпуска.

Игорь Шеломов

Олег Шелепин

Игорь Шеломов невысокого роста, щупленький. На первом курсе учился уже вторично: до этого пробовал себя на физмате, кажется, Рижского университета, но из Прибалтики предпочёл уехать, поскольку экзамены там приходилось сдавать на латышском языке. На 5 курсе он неожиданно для нас женился на Жене Ягубьян, несколько лет спустя они разошлись. После окончания университета я никаких связей с ним не имел. По слухам, он спился и рано умер.

Володя Каплин – парень довольно высокого роста, спортсмен, легкоатлет. Брал 1 м 70 см, что для всех нас было заоблачной высотой. Учился *на стипендию*, т.е. без

троек. Хороший товарищ, прямой и бесхитростный. Громкий, заразительный смех Каплина был как бы его визитной карточкой – ни с кем не перепутаешь.

Почему химфак трясётся?

Это Каплин наш смеётся.

Прыгает Володя Каплин

В начале 1952 г. Каплин серьёзно заболел. Лежал дома, в Тихорецке. Время шло, а он не поправлялся. Тогда наша группа собрала деньги и отправила в Тихорецк Игоря Шеломова и Антона Матвеева. Они перевезли его в Ростов и поместили в одну из ростовских больниц. В апреле Каплин поправился, вернулся на занятия и сумел успешно сдать сессию.

После окончания университета Каплин работал в Новочеркасском гидрохимическом институте. Прошло много лет, и мне передали привет от доктора химических наук Каплина.

Володя Каплин

Антон Матвеев

В университет **Антон Матвеев** пришёл спортсменом, легкоатлетом. Специализировался в беге на длинные дистанции. По-моему, главные его друзья были в спортивной среде. Во всяком случае, не на курсе, где он держался как-то немного в сторонке, стараясь не выделяться, ни с кем не портить отношений, не увлекаться общественной работой.

После окончания университета Антон неожиданно для многих женился на Нине Моричевой, которая училась на химфаке курсом старше нас. Работал в Новочеркасском гидрохимическом институте, был участником Антарктической экспедиции.

Хорошие, товарищеские отношения у меня были и с некоторыми девушками.

Лиля Тацилова и Лида Булыгина стоят в этом ряду особняком, о них я пишу отдельно. С **Лясей Кацевич** у меня всегда были очень тёплые отношения. Она была *своя*, из *нашего* класса 37-й школы, с которым мы дружили. За ней – годы старого, со школьных лет, знакомства. У неё тяжёлая судьба: в одночасье лишилась мужа и сына и нестарой умерла от рака.

Света Вигант по характеру скорее мальчишка: тот же лексикон, который был у нас в классе, непринуждённость в обращении. Очень остра на язык, за словом в карман не лезет.

*Что не советовал б я, братцы, –
Это Свете на язык попасться.*

Это – из сборника «Первокурсники».

Так случилось, что на зимних каникулах 1951 года мы со Светой одновременно были в Москве и однажды вместе ходили в театр.

Женя Батарыгина – хорошенькая стройная девушка, немножко заикается. Я любил танцевать с ней вальс – очень хорошо танцуется. Но она пользовалась на вечерах таким успехом, что *пробиться* к ней было непросто. На факультетском вечере накануне 7 ноября 1951 г. мы танцевали с ней вальс на приз. Вошли в тройку лучших, но приз всё же достался другим.

Женя родилась 29 февраля, и мы шутили, что день рождения ей положено отмечать один раз в 4 года. Но в 51-м день рождения она отмечала и пригласила меня, Талика Страдомского и некоторых девушек из нашей группы.

Женя и Света дружили и почти одновременно вышли замуж за двух друзей – Валю Григорьева и Лёву Лемперта, которые учились на курс старше нас. Я хорошо знал этих ребят, особенно Григорьева – активного комсомольца, с которым меня связывала общественная работа. Валя Григорьев потом стал проректором Ростовского университета.

Галя Самофалова не могла не привлекать к себе внимания. Девушка красивая, строгая, умная, невозмутимая, без тени кокетства. Было в ней что-то спокойное, уверенное, основательное. Очень серьёзно относилась к учёбе и была одной из лучших наших студенток.

Даём мы вам своё благословенье:

Попробуйте-ка, выведите Галю из терпенья!

Это – моя эпиграмма из сборника «Первокурсники».

С Галей Самофаловой, Женей Ягубьян и Лидой Булыгиной.
Апрель 1952 г.

Женя Ягубьян из числа тех, кого сразу не замечаешь, а потом, когда лучше узнаёшь, удивляешься, сколько в ней внутренней теплоты. Тогда, на первом курсе, ей *досталась* такая эпиграмма, которую мы написали вместе с Игорем:

*Она всегда тиха, скромна,
Как на иконе богородица.
Но вспомните пословицы слова,
Что в тихом омуте частенько черти водятся.*

Кто мог тогда подумать, что Женя выйдет замуж за Игоря. Но разве такой муж был нужен Жене? Я не удивился, узнав, что этот брак распался.

Именно Женя Ягубьян была моей ассистенткой, когда мы объезжали ростовскую *глубинку* с лекциями, сопровождавшимися эффектными химическими опытами. Я читал, она демонстрировала. Работали очень дружно.

После окончания университета она бывала у меня дома, когда я приезжал в Ростов.

Маша Попова родом из станицы Вёшенской Ростовской области, знаменитой своим земляком – писателем М.А. Шолоховым. В сборнике «Первокурсники» мы с Игорем представили такую эпиграмму на неё:

*Попов был ей едва ли не папаша,
С ней рядом Шолохов живёт,
А посему, быть может, Маша
Напишет «Тихий Дон» иль радио изобретёт.*

Но никакими талантами в университете Маша не блистала. Разве только умением постоянно попадаться на экзаменах со шпаргалками. Попадалась, имела крупные неприятности, и всё равно на экзаменах уповала на них. На 5-м курсе едва не завалила

дипломную работу: все *вкалывали* в лабораториях, а Маша уехала из Ростова устраивать свои личные дела. Дипломную работу с огромным трудом она всё же *вытянула*, зато вышла замуж и вернулась оканчивать университет Громославской.

Алла Тофановская в 1955-1966 гг была моей женой. Спортсменка, гимнастка, на химфаке возглавляла спортбюро факультета. Как и я, окончила университет с красным дипломом. Преподавала химию в одной из школ г. Гуково. В Рубежном работала в Центральной лаборатории Рубежанского химкомбината. Живёт в Харькове, работала в Центральной лаборатории завода химреактивов.

С **Галей Масленниковой** я подружился на 3-4-м курсах. Она была подругой Аллы Тофановской и встречалась с Таликом Страдомским. Когда мы друг друга лучше узнали, то и сами стали близкими друзьями. Мы бывали друг у друга дома и ходили вместе на спектакли Театра Музкомедии.

Аллу Чистобородову трудно было заметить: робкая и застенчивая, она очень старалась быть незаметной. Она – из породы людей, которых обидеть может кто угодно. В ответ будет только плакать в подушку. После окончания университета её направили преподавать химию в школу г. Данкова Липецкой области. Совершенно не представляю себе Чистобородову в роли учительницы: как она справлялась с учениками? Наверняка они *ходили у неё на головах*. Кончилось тем, что я перетащил её в Рубежное, где ей постарались создать сносную жизнь.

Полина Калачинская училась с нами всего полгода. Она была *ещё та* девушка: эффектная внешность и репутация *гулящей*. Могла *сказануть* такое, что как-то вогнала в краску даже Шеломова. Полина завалила первую же сессию и покинула университет.

Галя Масленникова

Маша Попова

Алла Чистобородова

Света Коляда была своего рода антиподом Калачинской.

*Везде кричит всегда,
Что ничего не знает.
Но пятёрки получает
Света Коляда.*

После окончания университета Света *произвела фурор*, выйдя замуж за вдовца с двумя или тремя детьми.

Студентки химфака Маша Яковлева и Лариса Зацепина, Света Коляда, я и Лиля Тащилова.

1 мая 1953 г.

В середине октября 50-го в нашей группе появился поляк – по международному обмену. **Здзислав Дудзик** окончил в Польше 12 классов (у них такая система), был старше нас – 20 лет. Русский язык знал плохо, и вместо английского или немецкого, которыми он вполне владел, занимался русским. Воспринимать специальные лекции ему было трудно, и Талик Страдомский вызвался ему помогать. Овладев русским, Дудзик быстро нас догнал и стал отличником. Парень он был очень способный. Видимо, в Польше отбор был серьёзный.

Здзислав неплохо пел и выступал на наших концертах самодеятельности.

*Не сравнить Здзислава с нами,
И мы рискнём уверенно сказать,
Что своими толстыми губами
Двоих он сразу сможет целовать.*

Толстогубый Дудзик только посмеивался, читая мою эпигramму.

Уезжая дважды в год на каникулы в Польшу, Здзислав неизменно увозил с собой очередной фотоаппарат. То ли он такие подарки делал, то ли завёл маленький бизнес. Дудзик вступил в партию. Довольно интересное было название – Ростовская на Дону организация Польской объединённой рабочей партии. После 3-го курса он перевёлся в Московский университет и ни с кем из нас связи не поддерживал.

Самым успешным из моих сокурсников оказался **Саша Гарновский**. В середине учёбы он брал академический отпуск по болезни и оканчивал университет не с нами, а годом позже. Свою трудовую деятельность он начинал лаборантом в цеховой лаборатории Ростовского химзавода имени Октябрьской революции. Под столь громким именем скрывалась бывшая артель с очаровательным названием «Красная синька», выпускавшая синьку для белья. Химику найти достойную работу в 1955-57 г.г. было очень непросто. Но настоящий талант обязательно пройдёт себе дорогу.

Александр Дмитриевич Гарновский (30.08.1932 – 09.09.2010) – доктор химических наук (1972), профессор (1974), действительный член РАЕН (1992). Член редколлегии журнала *Journal of Coordination Chemistry*.

А. Гарновский, 1951 г.

Автор более 800 научных работ, 11 монографий, 30 авторских свидетельств СССР и 3 патентов РФ. Один из наиболее цитируемых химиков России. Лауреат Государственной премии СССР (1989) и премии им. Л.А. Чугаева РАН (2003), заслуженный деятель науки РФ (1997), почётный работник высшего профессионального образования РФ (2002). В 1961—1979 гг. работал в Ростовском университете; с 1974 г. — профессор кафедры физической и коллоидной химии РГУ. В 1979—1983 гг. — заведующий кафедрой химии Ростовского института сельскохозяйственного машиностроения (ныне ДГТУ). С 1983 г. — заведующий отделом химии координационных соединений НИИ физической и органической химии РГУ.

После университета

Лишь после Майского Пленума ЦК КПСС 1958 года, провозгласившего курс на ускоренное развитие химической промышленности в СССР, народному хозяйству потребовались химики. А тогда, в 1955-м, они нужны были, в основном, лишь в школах. Да и не в областном центре Ростове. Меня направили в распоряжение Каменского ОблОНО. Каменская область с центром в городе Шахты была образована незадолго до этого, в 1954 году, и недолго просуществовала – по 1957 год. В Шахтах дали направление в город Гуково. Сейчас это северо-запад Ростовской области, на самой границе с Украиной. Статус города он получил накануне моего приезда, когда объединили несколько близлежащих шахтёрских посёлков.

Название Гуково прогремело на всю страну в 2014 году: сейчас там расположен один из контрольно-пропускных пограничных пунктов, через которых из Украины, охваченной гражданской войной, хлынул поток беженцев в Россию.

В университете нам читали небольшой курс педагогики, и мы проходили педагогическую практику в школе. Помню, как многие мои однокурсники дрожали перед самостоятельными уроками в классах. У меня же коленки не тряслись – имелся опыт выступлений перед большой аудиторией, в том числе и лекторский опыт. Вот и теперь я не дрожал перед своими первыми уроками, хотя, конечно, и волновался. Наверное, так, как волнуются артисты перед выходом на сцену.

Я преподавал сразу в двух школах – в обычной средней школе и в школе рабочей молодёжи. Преподавал не только химию, но и логику и психологию. Никто из учителей не брался за эти предметы, а мы учили их в школе, и я не стал отказываться. Был классным руководителем в 10 классе. К тому же ещё и выступал с лекциями на шахтах – о каменном угле как ценнейшем химическом сырье. Нагрузка была основательная. В один из первых дней, когда расписание уроков ещё не утряслось, пришлось дать 11 уроков! А ведь я преподавал первый год, мне надо было готовиться к каждому уроку.

До меня у этих ребят никогда не было практических занятий по химии, и им это было очень интересно. Но для учителя практические занятия – огромный стресс: внимательно следи за каждым, чтобы все живы-здоровы остались. А в школе рабочей молодёжи до меня химию преподавали исключительно с помощью доски и мела, и мне пришлось организовывать химический кабинет с нуля.

В обеих школах было не так уж много учителей с высшим образованием, и на выпускных экзаменах я оказался в составе приёмных комиссий почти по всем предметам. Я всего 6 лет назад сам окончил школу и не успел ещё всего забыть. Когда на устном экзамене по математике вышел из класса учитель, один из учеников решил воспользоваться моментом и понёс чепуху, явно рассчитывая на то, что я всё равно ничего в этом не смыслю. И был очень удивлён, когда я зачеркнул на доске ошибочную формулу, написал правильную и попросил продолжать.

Не мне оценивать себя как школьного учителя. Видимо, меня оценивали достаточно высоко, если в конце учебного года решили *выдвинуть*. В школе одного из шахтёрских поселков Гуково освободилось директорское кресло, и его предложили мне. Однако я не жаждал делать карьеру на ниве народного образования. Это было не моё призвание. Я видел себя исследователем, а своё место – на переднем крае науки. Множить ряды посредственных учителей, неудовлетворённых своей жизнью, я не хотел. К тому же неизлечимый неврит слуховых нервов, нажитый как осложнение после перенесенной в детстве скарлатины, обрекал меня на постепенное ухудшение слуха. А что может быть

печальнее глухого учителя, за спиной которого резвятся ученики! Карьера учителя мне была противопоказана.

Без сожалений я распрощался с Гуково. Но тот учительский год оставил глубокую зарубку в моей памяти. Не раз я вспоминал потом различные эпизоды своей учительской жизни.

У меня остались очень хорошие воспоминания о производственной практике, которую мы студентами проходили в г. Рубежном Луганской области. Нам с Олегом Шелепиным предложили тогда заменить ознакомительную практику на Рубежанском химкомбинате исследовательской работой в филиале Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей (НИОПиК).

Полные рабочие дни вместо необременительных прогулок по цехам химкомбината, как мы и ожидали, оказались намного продуктивнее и интереснее.

20 лет спустя. С Олегом Шелепиным.

29 марта 1974 г.

Неудивительно, что именно на Рубежное я обратил свои взоры в поисках нового места работы.

В филиале НИОПиК не смогли предложить мне ничего из того, что было положено молодым специалистам, прибывшим по направлению. Ни жилья, ни должности младшего научного сотрудника. Меня взяли старшим лаборантом с окладом 890 руб. Мнс получал 1050 руб. Работал я фактически младшим научным сотрудником, у меня была лаборантка. Лишь в ноябре 1957 г. я получил полноценную должность мнс.

Рубежное сделало меня тем, кем я в конце концов стал – химиком-технологом, создателем новых химических технологий. Здесь я прошёл путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника, руководителя группы разработчиков. Здесь научился не только создавать на современном уровне новые технологии, но и осваивать их в промышленности.

Ничего хорошего я не вижу в том, что таким специалистом я сделал себя сам: так уж получилось, что в моей жизни не было настоящего наставника, который привёл бы меня в область знаний, которую развивал сам, и постоянно передавал бы свой опыт. Настоящим наставником не стал для меня и мой аспирантский руководитель химик-органик, доктор химических наук, профессор Николай Степанович Докунихин (1912–1976). Конечно, я многому у него научился, но он был в Москве, я – в Рубежном, мы встречались 1-2 раза в год, писем он мне не писал. Меня окружала такая же молодёжь, которая сама искала свою дорогу в науке. Но была удивительная атмосфера открытости, взаимной помощи, когда каждый с каждым делился своими идеями.

Раньше меня (в 1954 году) в Рубежанский филиал НИОПиК приехал Михаил Александрович Мостославский, дружба с которым продолжается и поныне. Некоторые его работы стали отправной точкой моих исследований. Его жена Эмма Ивановна Мостославская (Драченко) – тоже выпускница химфака РГУ, кажется, 1956 года. Позже в филиале НИОПиК появились Валерий Тихонов и его жена Галина. Студентами я их не

знал – они учились на химфаке после моего окончания университета. Но мы часто ездили вместе в Ростов на праздники, и вообще университетская общность сближала. Уже после моего отъезда из Рубежного Тихонов работал за рубежом в системе СЭВ, а, вернувшись в Рубежное, стал директором филиала НИОПиК. Увы, ушёл из жизни совсем молодым.

Относительно опытным химиком мне приходилось руководить производственной практикой студентов, в том числе и родного химфака. Запомнил двоих из них – Ж.П. Пискунову и Л.П. Олехновича. Жанна Пискунова принимала участие в создании технологии получения 1-метилантрахинона методом диенового синтеза, и я включил её в состав авторов авторского свидетельства на изобретение, выданного в 1960 году. Эти мои исследования отметил выдающийся химик-органик профессор Алексей Иванович Королёв, опубликовавший в Журнале ВХО имени Менделеева обзор о достижениях отечественной органической химии в послевоенные годы.

Много времени мне приходилось проводить в цехах химкомбината. То в одном, то в другом цехе происходили сбои производств. Тогда в филиале НИОПиК комплектовали бригаду, прикрепляли нас к каждой смене, и мы контролировали каждую стадию, подробно описывали в специальном журнале весь процесс, неся ответственность за малейшие нарушения регламента. Позднее я сам руководил работой таких бригад.

Это был бесценный производственный опыт. Даже такой. Как-то я *осваивал* новое производство, регламент которого сам разработал. Процесс шёл в среде спирта. Все загрузки аппаратчики производили под моим наблюдением. Я лично проверял загрузки, герметичность крышки аппарата и подачу холодной воды в холодильник, температуру. А процесс не шёл – явно не хватало спирта, хотя в лаборатории было установлено его оптимальное количество. Аппаратчики посмеивались. Наконец, я не выдержал:

– Ребята, я ведь вижу, что вы знаете, в чём дело. Поделитесь, я вас *не заложу*.

Поделились. Оказывается, под заливную трубу они подвешивали ведро. Загружаемый в моём присутствии спирт попадал сначала в ведро и, переполнив его – в аппарат. Когда я отлучался, ведро со спиртом вынимали. Выпивка была обеспечена. Только мои добрые отношения с аппаратчиками позволили разгадать, казалось бы, неразрешимую задачу.

Поначалу материально было туго, и я подрабатывал чтением лекций на курсах по гражданской обороне об отравляющих веществах и мерах защиты от них. В последующем выступал с публичными лекциями как лектор общества «Знание» уже на общественных началах.

В Рубежном меня знали практически все. В небольшом, 50-тысячном городе вообще все на виду. Я же был человеком заметным. Секретарь комсомольской, а затем и партийной организаций ведущего в городе научного учреждения, пропагандист. Выступал с публичными лекциями. Писал в местные газеты, в газетах нередко мелькала моя фамилия. Выступал по местному радио. Был председателем Окружной избирательной комиссии по выборам в Рубежанский городской Совет депутатов трудящихся. Кандидат наук, таких в городе было меньше десятка. Учёный Секретарь Луганского областного правления Всесоюзного химического общества имени Д.И. Менделеева. Один из организаторов всесоюзной химической конференции по химии и технологии антрахинонов.

2014 год. Гражданская война на Украине. Фактически уничтожение Донбасса, масштабы которого пока ещё трудно оценить. Как раз тех мест, которым я отдал 13 молодых, самых активных лет своей жизни. Луганск, Лисичанск, Северодонецк, Славянск, Горловка, Дебальцево – для меня это не просто точки на карте. Это города, где я бывал. Украина для меня не чужая. Это химические производства, которые я создавал в Рубежном, Харькове, Львове. В Рубежном ещё остались мои друзья, с которыми нет связи. Мариуполь строил мой родственник – строитель и первый директор «Азовстали» Я.С. Гугель. В Одессе жила моя тётя. Неоднократно бывал в Киеве, выступал там с докладом на VII Украинской республиканской конференции по органической химии.

Украину освобождал мой отец в годы Великой отечественной войны. От таких же фашистов.

В начале 1969 года я стал москвичом. Несколькими годами ранее в НИОПиКе было создано отделение Фотоники, решавшее новую задачу на стыке химии и физики: на базе органических соединений с сопряжёнными связями создать материалы для новейших отраслей техники. Для этого требовалось тесное сотрудничество химиков и физиков. Мой опыт оказался востребованным, я организовал и возглавил одну из больших групп разработчиков новых технологий.

Что значит «создать новый материал»? Разработчик получает от заказчика техническое задание, где перечислено огромное количество свойств, которыми должен обладать искомый материал. Сведения об одних свойствах (например, температуры плавления, кипения, спектральные характеристики) имеются в литературе, о других (термостойкость, светостойкость и т.д.) обычно заведомо ничего не известно. На первом этапе разработчик должен в безбрежном море литературных данных найти потенциально пригодные вещества, достать или синтезировать образцы. Далее следует изучение неизвестных свойств, выбор и согласование с заказчиком состава искомого материала. Второй этап: проработка возможностей обеспечения сырьём. Далее разработка лабораторных регламентов получения компонентов материала, включая методы анализа. Создание технических условий на каждый компонент и на материал в целом. Проверка технологии на опытном заводе. Техническое задание проектировщикам на промышленное производство. Выдача многочисленных рекомендаций: конструкционные материалы для оборудования, методы и оборудование фильтрационных процессов, оборудование для перегонки жидкостей и т.д. Участие в проектировании. Создание и освоение промышленного производства и его курирование (обеспечение бесперебойных поставок).

Приходилось решать большое количество сопутствующих технических проблем, далёких от моей специальности и друг от друга: проблемы техники безопасности, вопросы токсикологии, разработка тары для наших материалов, которая удовлетворяла многочисленным специальным требованиям заказчиков, разработка методики анализов, необходимых для контроля производства этой тары. Проблемы, связанные с взаимодействием материала и его компонентов с конструкционными материалами производственной аппаратуры и тары. Нужно было находить соответствующих специалистов, выдавать им технические задания и следить за своевременным выполнением работ.

Общий итог моих разработок: пуск 3-х промышленных химических цехов, разработка и создание 20 новых промышленных и опытно-промышленных производств, разработка более 50 производственных технологических документов.

В 1980 году меня сделали главным технологом Фотоники. Теперь я отвечал за качество всей технической документации, выдаваемой отделением. Замдиректора института по научной работе не утверждал без моей подписи ни одного регламента. Пришлось создавать систему разработки технологии, нормативную документацию, учить разработчиков. Я тщательно проверял каждый регламент, выдавая множество замечаний, каждое из которых *снималось* при последующей работе. Через меня шли исходные данные на проектирование всех новых производств.

В НИОПиКе создали серию комплексных научно-технических бригад, отвечавших за работу с подведомственными предприятиями. Меня назначили руководителем такой бригады по Ставропольскому производственному объединению «Анилин». Я стал частым гостем в Ставрополе, в частности курировал работу Центральной лаборатории предприятия, которую возглавлял выпускник химфака РГУ Владимир Сергеевич Постолов.

Производственную работу я продолжал сочетать с общественной: пропагандист, редактор стенгазеты, член партбюро, секретарь партийной организации отделения, член парткома института. Всё это позволило мне приобрести бесценный опыт организационной

работы, работы с людьми. Продолжал и учиться – окончил институт повышения квалификации руководящих работников Министерства химической промышленности СССР.

Всю эту деятельность я старался совмещать с исследованиями в моей *научной нише* – химии антрахинонов, важнейшего класса органических соединений, родоначальника многих высокопрочных красителей. На моём счету 14 изобретений, около 200 научных публикаций, в том числе 6 монографий. Первая из них - «Таблицы электронных спектров антрахинона и его производных», Л., Химия, 1970. 166 с. В 1974 году она была переведена на английский и опубликована Салфордским университетом в Англии. Эта монография, первая в мировой литературе об антрахинонах, сделала мне имя в научном мире. Обращаясь ко мне в 2004 году с просьбой прислать отзыв на её докторскую диссертацию, ведущий сотрудник Новосибирского института органической химии Любовь Степановна Клименко писала: «Вы, наверное, сами не понимаете, как известно и почитаемо ваше имя среди хинонщиков. Я пришла в институт ещё студенткой (30 лет назад), и Ваша книга с таблицами электронных спектров была в лаборатории настольной. Я почту за честь, если придёт отзыв от такого классика химии хинонов». Классиком я, естественно, себя не считаю.

В начале 80-х я решил, что пора оформлять докторскую диссертацию. К тому времени у меня было уже более 50 публикаций по моей инициативной тематике. Я собрал их вместе и начал компоновать на их основе развёрнутый реферат. По тогдашним правилам, необходимо было показать, что диссертант создал новое направление в науке. Но что считать *новым направлением*? Знакомясь со многими докторскими диссертациями того времени, я не усматривал в большинстве из них такого уж **нового** направления. Да, новые данные, несомненный вклад в науку, но подобные вещи уже делали до них на других объектах. Как сформулировать это моё *новое направление*? Мои работы были выполнены в разное время с различными частными задачами и не были единым целенаправленным исследованием. В подобном положении оказался не я один. Отраслевой научно-исследовательский институт тем и отличается от академического или учебного, что его сотрудникам редко удаётся выстроить единое направление своих исследований. По этой причине докторов наук в НИОПиКе всегда было мало. Среди старших научных сотрудников было немало научных работников моего уровня. И попытки *высунуться* чаще всего заканчивались провалом – остальные на него дружно наваливались: а чем ты лучше нас?! Мне дали понять, что *пробиться* мне будет очень нелегко. К этому я не был морально готов и не захотел тратить на диссертацию время, силы и нервные клетки.

В 1991 году, ещё до путча и распада СССР, работа по освоению новых технологий была фактически приостановлена, а с 1992 года – прекращена совсем. Промышленность останавливалась, отраслевая наука была никому не нужна. Финансировать научные разработки никто не хотел – ни государство, ни предприятия. Люди стали разбегаться.

В начале 1993 года я ушёл из института на пенсию. 5 лет ещё проработал главным специалистом в научном издательстве «Фазис».

Много лет я почти всё своё время и силы тратил на то, что я обязан был делать в силу своего служебного положения. Я не жалею об этом – того требовала жизнь. Свой долг Родине на этом поприще я уже отдал. Теперь я выбрал путь творческой свободы

ценой материальных потерь – безвозмездную работу пенсионера, сотрудничающего с Центром фотохимии РАН и Университетом дружбы народов.

международные научные конференции, но состояние здоровья уже не позволяет принимать в них участие.

Сейчас я мог бы сформулировать своё *новое направление* в науке – развитие бутлеровских представлений о таутомерии. Позволяющее по-новому смотреть на химию хинонов, объяснить многие факты, понять которые ранее не удавалось. Однако кого будет интересовать, был ли автор этих работ доктором наук? Мои работы признаны в научном мире. Меня удостоили помещением в американский справочник **Who's Who in the World** и английский (Кембридж) биографический справочник «2000 иностранных интеллектуалов XXI века». Представлял доклад на XX Международной конференции по фотохимии в Москве (2001). Постоянно получаю приглашения из разных стран на